

Парад
Планет
9X
Проза

Составление – Ирина Архипова
Дизайн – Виталий Музуров

Парад планет. Проза – Литгалактика,
2025. – 91 с.

В сборник вошли прозаические произведения – победители и призёры конкурсов, прошедших на сайте «Литгалактика» в девятые полгода полёта (18.01.2025 – 17.07.2025).

І. Планета ТАУКиТА

Планета ТАУКиТА – это особенная планета Тематических Авторских Уникальных Конкурсов и Творческого Авангарда.

Любой зарегистрированный на Литгалактике автор с разрешения экипажа может объявить за свои космобаллы собственный мини-конкурс на любую тему.

Прозаические конкурсы планеты ТАУКиТА:

Исторический орган сочинял я понемногу. Авторский конкурс
D Grossteniente Okku

Исторический орган сочинял я понемногу. Авторский конкурс
D Grossteniente Okku

Ученик

Юлия Лавданская

В Органе жили нотки.

Их было много, очень много! И они весьма отличались от тех, что жили в Рояле, Арфе, Виолончели, Трубе и других нотконаселённых пунктах. Это неудивительно, ведь и мы, люди, живущие в разных городах, отличаемся друг от друга, да ещё как порой!

Нотки, населявшие Орган, дружили целыми семьями, на работу выходили все вместе. На работу их вызывал Органист. Он каждой давал работу, и все они чётко знали, в какую трубу нужно забраться, какой клавиши слушаться. Главное было – считать паузы и сработать ровно в тот момент, когда нужно. Органист всегда помогал ноткам – он был точен и пунктуален, нажимая на клавиши и переключая регистры. Он никогда не ошибался, отчего ноткам не приходилось в смятении меняться местами и метаться туда-сюда.

4

Но однажды ночью, в тишине, когда нотки отдыхали внутри Органа, удобно расположившись, кому где нравилось, и обсуждали прошедший день, разговор вдруг стал тревожным.

– Друзья, а знаете, что я слышал? – спросил пожилой Бемолич. – Наш Органист берет ученика!

Разговоры тут же прекратились. Сотни глаз обратились к говорящему, сотни ушей моментально наострились.

– Какого еще ученика? – не побоялась выскочить Ляшка.

– Этого я пока не знаю, – задумчиво проговорил Бемолич. – Похоже, отстраняют Органиста. Возможно, переводят к другому Органу. И велели замену себе подготовить. Вот и будет он теперь кого-то учить.

Народ заволновался. Привычный мир рушился, а новый пугал неизвестностью. Привычный мир рушился, а новый пугал неизвестностью.

– И что с нами теперь будет? От работы отстранят? – спросила толстенная Фаня.

– Скорее наоборот, завалят работой по уши, – возразил шустрый Минька. – Ни вздохнуть, ни охнуть будет нам!

– Да откуда вы знаете? – попыталась успокоить друзей рассудительная Регина. – Ведь пока только слухи. Поживем – увидим!

Однако беспокойство затаилось в душах маленьких обитателей Органа, и на следующий день, придя на работу, Органист не понимал, почему инструмент не звучит привычно-послушно его умелым пальцам, почему он не получает той эмоциональной отдачи, того единства, от которого только и может родиться Музыка. Промучившись несколько часов, так и не поняв, в чем дело, раздосадованный человек гневно стукнул кулаком по клавишам, и, даже не озаботившись закрыть крышку, ушёл.

Как могло с ним такое произойти? С ним, всегда спокойным, выдержанным, до самозабвения любящим музыку и свой инструмент, которому посвятил всю свою жизнь и ни разу о том не пожалел?

Ночью он не мог уснуть, ворочался, вставал попить водички, ложился, укрывался с головой одеялом, снова вскакивал, ходил по комнате, вглядывался в постепенно светлеющее небо за окном, и только под утро сон подрубил его на полумысли.

5

Этой же ночью в Органе царило смятение. Несколько ноток получили тяжелые травмы, над ними суетились врачи и плакали родственники. Самый тяжелый удар приняла на себя красавица Ляшка, она лежала в забытьи, не могла даже стонать. Рядом с ней сидела Ляшечка, глаза ее были наполнены ужасом, косички дрожали. Лябемолишна гладила Ляшечку по головке, шепча: «все будет хорошо, детка». Тетя Ляля молча молилась.

Несладко также пришлось Фане, у Сольвейг оказалось сотрясение, Силантий сломал ключицу, у Додика по лицу расплывался фиолетовый фингал.

Группа врачей применила самую действенную терапию – Моцарт-арт. Встав полукругом вокруг больных, врачи запели хоры Моцарта.

И к утру раны уврачевались, синяки рассосались, Ляшка пришла в сознание, и даже ключица Силантия лишь чуть-чуть отзывалась на движение.

За этими драматическими событиями нотки совершенно забыли о своих вчерашних переживаниях. И совсем не были готовы, когда утром появился

Органист с незнакомым молодым человеком. Органист выглядел смущенным и взволнованным.

– Прошу прощения, – обратился он к спутнику, – одну минуточку!

Он подошел к Органу, оглядел его сверху донизу, словно хотел сфотографировать глазами, а фотографию спрятать в сердце. Погладил рукой незакрытые вчера клавиши. Потом вдруг опустился на колени и прижался лбом к теплomu дереву. Что произнес он внутри себя в этот момент, мы не знаем. Но нотки – услышали!

И когда он подвёл к инструменту молодого человека, усадил его, показал и рассказал всё необходимое, поставил ноты на пюпитр – молодой человек заиграл, нотки мигом заняли свои места.

И родилась Музыка!

Планета путешествий

II. Планета путешествий

Азартных и бесстрашных путешественников ждут захватывающие турпоходы, как в ближайшие к нам звёздные системы, так и высшей категории сложности – годовой марафон за звание Покорителя Вселенной (Лучший Прозаик Литгалактики) и Лучшего Туриста-Путешественника (Лучший Автор Малой Прозы).

А для любителей сразиться один на один – на планете Марс открыта замечательная дуэльная площадка.

Для тех, кто хочет поэкспериментировать с формами и жанрами, мы открываем новую площадку – Выбор пути.

Это творчество на стыке прозы и поэзии, а также короткие формы поэзии.

Прозаические конкурсы планеты Путешествий:

Земля – Орион. Конкурсы рассказов.

Земля – Орион. Конкурс из серии «Художники и писатели».

Земля – Орион. Конкурсы миниатюр.

Земля – Созвездие Летучей рыбы. Конкурс «Неосознанное».

Земля – Созвездие Южной Короны. Конкурс «Мои мемуары – 7».

Выбор пути. Конкурс «Кот в мешке – 1».

Выбор пути. Конкурс стихов и прозы «Лето, которое не забыть».

Земля – Созвездие Золотой Рыбы. Конкурс афоризмов – 1.

Земля – Созвездие Летучей рыбы. Конкурс «Найди ответ».

Земля – Орион. Конкурс рассказов «Мистика: очарование жутких тайн»

Продай мне свою собаку

Джон Маверик

Торговца Ярик заметил сразу. Крупный, одетый в дорогое кашемировое пальто мужчина стоял на подъездной дорожке и, запрокинув голову, смотрел на окна четвертого или пятого этажа. Его темные волосы, чуть присыпанные белизной, казались, как зимний газон – слегка заснеженными, морозными и колючими. А меховой воротник напоминал свернувшуюся кольцом спящую куницу, тоже заиндеведую, как будто припорошенную мелкой белой крупой. Странная зима в этом году. Сухой, кусачий мороз и беззащитные растения, не укрытые снегом. И человек у подъезда – странный.

Мальчик остановился, не дойдя до чужака десятков шагов, и принялся вытирать кроссовок о мерзлую траву. Типа в кашемировом пальто в городке знали все. Без малого два года назад – в такой же, как этот, хмурый январский день – он появился словно ниоткуда с карманами, полными денег, и с тех пор бродил по улицам, заключая с людьми безумные сделки. Никто из горожан понятия не имел, где он ночевал, под чьей крышей жил. Торговца считали богатым чудачком. Возможно, сумасшедшим. Но он держался спокойно, вел себя вежливо и платил горожанам огромные суммы за сущие безделицы – старые, ломаные и бесполезные, а то и вовсе не существующие вещи. Мог, например, подойти к первому встречному и предложить ему: «А не продадите ли вы мне, любезный, портрет своего отца?». И тут же извлекал из-за пазухи толстую пачку банкнот. Прохожий терялся, не понимая, о каком портрете речь, но кто же откажется от дармового богатства?

В другой раз Торговец скажет: «Я куплю у вас ключ от бабушкиного комода, если не возражаете». «А проку в том комоду? – подумает изумленный горожанин. – Да что там, вообще, всякий хлам... Его уж лет сто как ни разу не открывали. Да и ключ давно потерян». Но Торговцу как будто и не нужны были сами предметы – и все, что он хотел, это услышать короткое «да», и тут же на месте расплачивался, одаряя счастливчика щедрой рукой.

«Отдай мне свое свадебное платье, – улыбался он пухлощеклой малышке, чья мама на пару минут отошла за мороженым, – а я куплю тебе вон ту прекрасную куклу!»

«Продайте мне моторную лодку», – просил очередного баловня судьбы. Какая лодка, откуда? В городе, где ни реки, ни озера поблизости нет, а до ближайшего моря – тысячи километров? Да забирайте, ради Бога, усмехался довольный продавец. И что-то происходило – тайное и неприметное для посторонних. Словно золотые смешинки угасали в глазах человека, а призрачная лодка облачком таяла в воздухе над его головой.

– Мальчик, – произнес чужак с таким выражением, будто хотел сказать: я-то знаю, как тебя зовут и что тебе нужно. Я, вообще, все про тебя знаю. Но не покажу вида. Пусть это останется между нами.

Ярик осторожно приблизился. Он не доверял Торговцу, но не по какой-то особой причине, а просто – на нюх. Хотя пахло от того дорогим одеколоном, а улыбка – пусть и прохладная – казалась тем не менее вполне искренней. Взгляд? Обычный. Глаза тусклые, как старые медяки. Походка уверенная, точно у человека, привыкшего всюду чувствовать себя дома. А голос – вкрадчивый, то ласкает и обволакивает, то словно читает заклинание. То змеей вползает в уши. То гремит в голове раскатами, как гром. Никуда не деться от такого голоса. И не захочешь – а согласишься на все, что он только ни попросит.

– Ма-а-альчик, – позвал Торговец. – Подойди ближе, не бойся.

Ярик глядел на него исподлобья, как испуганный воробей, готовый в любой момент встрепенуться и улететь прочь. Он бы так и сделал, ни секунды не раздумывая. Но ему были очень нужны деньги. Очень. Без денег, понимал Ярик, не спасти маму.

«Я все тебе отдам, – прошептал мальчик, сам не понимая, к кому обращается, но почему-то посмотрел вверх, туда, где тусклое зимнее солнце зябко куталось в белесую муть. – Отдам... как только мама поправится. Все, до последней копеечки... Мне ничего от него не надо».

9

Он видел белое небо, полное морозного тумана, и на фоне стылых, бесцветных облаков – черные деревья, продрогшие на ледяном ветру. Все скучное, черно-белое, лишённое живых красок. Иногда казалось, что кто-то проклял их городок. Легкие деньги не принесли его жителям счастья. Да, сперва горожане принарядились, купили себе хорошие машины и дорогие гаджеты, застеклили балконы. Ярик помнил, как радовалась его мама, расставляя на столе баночки с икрой и всяческими консервами, соленьями и вареньями, и разворачивая свертки с разными невероятными вкусностями. Деликатесы, которые мальчик не пробовал никогда в жизни, теперь можно было есть на завтрак, на обед и на ужин. И еще оставалось, чтобы унести тайком из дома и угостить бродячих котов. А сколько подарков мама накупила Ярику! Она даже записала его на курсы английского. Обещала сыну настоящий велосипед! И собиралась сделать ремонт в его комнате.

Но до ремонта дело так и не дошло, потому что мама вдруг ни с того ни с сего начала тосковать, чахнуть, бледнеть. Все чаще она останавливалась посреди комнаты, растерянно потирая лоб. «Я как будто что-то забыла, – жаловалась она сыну. – Что-то очень важное». И Ярик, как ни старался, ничем не мог ей помочь, да и вообще не понимал, что происходит. Потом мама запила... Их когда-то аккуратная, уютная квартирка превратилась в свинарник, стойло, вертеп. В нечто непотребное и мало пригодное для жилья. Она больше не была Ярику домом. И мама с каждым днем все меньше походила на его любимую, добрую и заботливую мамочку. Что продала она Торговцу? Этого мальчик так

и не сумел выяснить. От его вопросов она отмахивалась, как от назойливых мух – ерунду, безделицу... Да какая тебе, Ярик, разница? А тем временем в городе люди болели, погружались в депрессию, вешались, спивались, сходили с ума. Повсюду – куда ни глянь – воцарился унылый хаос.

«Этот тип одной рукой дает, другой – отнимает, – думалось иногда мальчику. – И забирает намного больше, чем дал». Но взрослые этого почему-то не понимали. Они радовались свалившимся на них деньгам и жили, как всегда, то есть, как попало, а между тем их маленький мир понемногу соскальзывал в пропасть.

Мало кто согласится, если ему предложить: продай свое счастье, покой, совесть, мечту, жизнь своего ребенка. Продай все, что тебе было, есть или будет дорого на этом свете. А если согласится, то заломит, конечно, непомерную цену. Зло готово платить. Все золото мира вмещается в его карманы. Но что-то изменилось со старых времен. Когда-то люди охотно обменивали душу на богатство и власть. А сейчас... нет, они не поумнели. Но, возможно, стали расчетливее? Хитрее? Осознали, наконец, что без живого огня в сердце – и во дворце мутно и тошно?

Горожане не понимали, чего на самом деле лишает их Торговец. А он – лукавый властитель над прошлым, настоящим и будущим – выдергивал из наивных душ невидимые якоря, которыми те крепились к небу. И, обратившись в перекасти-поле, человеческие судьбы неслись по воле ветра сквозь бурьян и траву, по канавам и лужам, и вниз по склону – в самый ад.

– Куда ты смотришь, мальчик? – раздраженно спросил Торговец. – Бог тебе не поможет. А я помогу.

– Чего вы хотите? – с трудом произнес Ярик онемевшими от холода губами.

– Продай мне свою собаку!

– Собаку? Но у меня нет собаки. Или...

Ярик недоуменно оглянулся. Может, и увязалась за ним какая-нибудь беспризорная шавка? Но нет. И улица, и газон у дома оставались пусты. Разве что на дереве гнилым яблоком чернела ворона.

– Это неважно, – оборвал его Торговец нетерпеливо. – Просто скажи, что согласен.

«Я согласен», – хотел уже было произнести Ярик, но запнулся.

Словно шевельнулась завеса грядущих лет, а из-за нее повеяло радостью и теплом. Он понял вдруг, что любит свою собаку. Свою невидимую собаку, ту, которой у него нет и никогда не было. А он все равно любит – до дрожи, до замирания сердца – и добродушную песью улыбку, и жаркое дыхание, и звонкий лай, и влажный нос, и восторженный взгляд светло-янтарных глаз, такой честный и такой преданный, и то, как собака пахнет, приходя с мороза, и как виляет хвостом, и как становится сильными лапами ему на плечи. Он любит ее, бегущую через парк и мирно сопящую на коврик у кровати, стерегущую его, Ярика, спокойный сон. Любит всю – от ушей и до кончика хвоста.

И он ответил:

– Нет.

– Что? – злобно прошипел продавец, отступая назад через мерзлый газон. – Нет? Тебе не нужны деньги, мальчик? Повтори – что ты сейчас сказал?

– Нет, – упрямо повторил Ярик.

Торговец открыл рот – и снова закрыл. И мальчик, ошеломленный, наблюдал, как древнее зло пятится, ежится и темнеет лицом. Как сквозь гладкие черты вежливого господина проступают другие, искаженные ненавистью ко всему, что любит и дышит. Как грузная фигура в кашемировом пальто оседает и распадается, оплывая, как весенняя сосулька.

И вот – Ярик удивленно моргнул. Только что перед ним стоял человек – и вдруг нет никакого человека. Торговец исчез, словно его и не было, и только грязное пятно темнело на белой стене.

Шнеефрау

Ольга Зими́на

– Это ты – снежная баба? – непрерывно тревожился старый Герхард. – Бист ду айнэ шнеефрау?

Лиза переспрашивала, по десять раз вбивала невнятную речь пациента в гугл-переводчик. Немецкий она знала на уровне «Могу без запинки назвать своё имя и возраст». Почему вдруг снежная баба? Поди разберись...

– Nein, я никакая не шнеефрау, я Лиза, твоя сиделка, ихь бин дайнэ пфле-герин, – старательно, по слогам отвечала она. По-немецки, по-русски... Какая разница – всё равно ж не понимает.

...Лиза только-только закончила медицинское училище, как по знакомству подвернулась эта высокооплачиваемая работа – ухаживать за пациентом в Германии.

– Чего тут думать? Надо ехать – язык выучишь, денег привезёшь. Долги по коммуналке оплатим наконец! – обрадовалась измученная проблемами Лизина мать.

12

На том и порешили. Двое суток мытарств в автобусе – и вот новоиспечённая сиделка в растерянности вытаскивает свой старенький чемодан на автостанции Билефельда.

– Lisa? – спросила высокая женщина средних лет.

– Ja! Hallo!* – возликовала Лиза, которой всю дорогу мерещилось, что её никто не встретит.

– Hallo. Ich bin Barbara.**

Женщина приветливо-равнодушно кивнула, закинула Лизин чемодан в багажник машины – и они покатали мимо ухоженных домиков, голых полей и уютных островерхих церквушек.

Деревня примостилась у подножия заросшей лесом горы – покой, тишина... Отделанный панцирем серой черепицы дом ничем не выделялся в ряду солидных коттеджей.

Барбара распахнула перед Лизой стеклянную дверь и сама перетащила через порог тяжёлый чемодан.

«Они тут какие-то беспечные, – подумала девушка, – разве можно вход в дом прозрачным делать?»

Всё вокруг удивляло. Как много места! Лиза, выросшая в многодетной семье, привыкла ютиться в одной комнате с братьями и сёстрами, а тут на одного безумного старика – полкоттеджа.

Сиделке полагались отдельные апартаменты с личной ванной, но Лиза лишь разложила свои дешёвые, пахнущие хозяйственным мылом тряпки в шкафу – и больше комнатой почти не пользовалась: не было времени.

Пациент ничего не соображал. В углу гостиной бессмысленно трещал телевизор, но Герхард, сидя в кресле напротив экрана, с усилием выворачивал голову влево, чтобы через раздвижную стеклянную дверь глядеть в унылый почерневший сад.

– Не давай ему туда смотреть! – сказала Барбара, рассказывая новой сиделке об особенностях ухода за больным, – у него шею заклинит. А вечером он кричать начнёт. Не бойся.

«Да и фиг с ним, – подумала Лиза, – я беруши с собой привезла».

13

Как только Барбара, завершив инструктаж, вышла из комнаты, Лиза сразу развернула кресло Герхарда – пусть смотрит, куда хочет, не сворачивая шейные позвонки: так её научили в колледже – на курсе по уходу за больными с деменцией.

Старик сидел тихо, позволяя Лизе немного прийти в себя с дороги.

А к ночи – действительно – началось...

Старик, заботливо перемещённый Лизой и Барбарой на широкую ортопедическую кровать, изо всех сил старался не заснуть.

И Лизе, естественно, спать не позволил – непрерывно требовал то воды, то еды, то подушку поправить. Не помогали даже снотворные таблетки, которые вечером насильно запихнула пациенту в рот Карен – приходящая медицинская сестра. Едва Лиза начинала дремать на диванчике возле кровати старика – тот хватал свою клюку и принимался стучать ею об пол, крича:

– Schlafe nicht! Schlafe nicht! Schneefrau kommt!***

...За неделю работы Лиза измучилась до предела. Днём она ходила за продуктами, готовила какую-то нехитрую еду для себя и пациента – тосты с джемом, яичницу, овощное пюре. Всё было новым, непонятным и оттого пугающим.

Как-то раз, после того, как Герхард опять завёл своё «Шнеефрау, шнеефрау!», Лиза с усилием разлепила безудержно склеивающиеся веки и случайно глянула в сад. Сон моментально испарился. За окном в свете фонаря на блёкло-зелёном бесснежном газоне стояла одинокая белая фигура. Казалось, одежда её состояла из намотанных на тело рваных белых простыней. Она не двигалась с места и не шевелилась, лишь пронизывающий декабрьский ветер шевелил её странные платья...

Старик со своего ложа явственно видел её.

– Шнеефрау! – взвизгнул он по-детски.
Его трясло.

– Siehst du?!****– вдруг закричал он, брызгая слюной. – и ухватил Лизину руку костлявыми жёлтыми пальцами.

– Вижу, – по-русски ответила Лиза.
И Герхард неожиданно её понял. Взгляд его на мгновение стал строгим, осмысленным.

– Не открывай ей дверь, прошу! – старик жалобно, совершенно по-младенчески заплакал.

14

– Не открою, – ответила Лиза.
Её била крупная дрожь, голова раскалывалась. Страшная фигура всё так же неподвижно стояла в жёлтом круге...
Лиза наконец догадалась опустить жалюзи. Отрезав от себя жуткое видение, без сил упала на диван, накрыла голову большой подушкой и, не обращая внимания на вопли, моментально провалилась в сон.

...Проснулась она лишь на рассвете – от звонка медсестры – та приходила по будням в семь утра. Герхард лежал с открытыми глазами, но не шумел, не кричал, – просто смотрел в потолок и тяжело, с присвистом дышал.

– Guten Morgen! Доброе утро! – поздоровалась Лиза фальшиво-бодрым тоном, но старик не отреагировал.

Из дальней комнаты уже слышался шум пылесоса – это с утра пораньше хозяйничала уборщица Катя – русская немка из Казахстана.
Катя любила поболтать.

– Ну что, сильно старикан вопил сегодня? – спросила она вместо приветствия.

– Сильно. А как ты догадалась?

– Да видок у тебя тот ещё, дорогая! Синячищи под глазами – до подбородка. Что, этот гусь по-прежнему всё про свою снежную бабу лопочет? Лиза вздрогнула. События минувшей ночи сейчас казались ей странным сном.

– Да... А что это за снежная баба? Почему он всё время про неё говорит?

– Да эта баба его уже семьдесят лет мучает. Я ж с ним тоже сидела пару ночей, пока ты не приехала. Прошлая-то сиделка не выдержала, сбежала... Барбара мне проболталась, что Герхард в гитлеровские времена выгнал из дому беременную еврейку в ночной рубашке. Был мороз, и та несчастная женщина насмерть замёрзла в поле. Утром он её сам нашёл. С тех пор ему перед Рождеством всегда снежные бабы мерещатся. Не обращай внимания. Я в доме престарелых подрабатываю, так там знаешь сколько таких историй? Не к одному нашему Герхарду шнеефрау ходит... Уморили кучу народу зазря, а теперь их, видишь, призраки мучают.

«Да, но я тоже видела шнеефрау, а я-то никого не морила, – подумала Лиза, – хотя, наверное, мне всё это лишь приснилось. Интересно, сколько человек времени человек может не спать? Выдержу ли я тут три месяца?»

15
День тянулся по обычному расписанию – умывание и бритьё пациента, готовка протёртой еды, кормление больного с ложечки, смена подгузника, массаж, обтирания. Старик был сонным, вялым, покорно выполнял все требования своей юной пфлегерин – открывал рот, глотал еду, по команде переворачивался с боку на бок. К вечеру заметно похолодало.

Барбара на минутку заскочила к отцу – чмокнула его в щёку. Лизе сказала:

– Frohe Weihnachten, Lisa!* – и протянула коробочку, перевязанную красной лентой – подарок.

Лиза растерялась – она и забыла, что здесь, в Европе, Рождество празднуют до Нового года. Не подготовилась...

Но Барбара и не ждала ответного подарка – она коротко кивнула и исчезла в необъятных недрах дома. Вскоре под окнами мягко заурчал мотор машины – хозяйка укатила на праздничную вечеринку к сыну.

Тьма сгущалась. Окна соседнего коттеджа не светились – видимо, хозяева тоже ушли в гости. Лиза прилегла на диванчик и уткнулась в смартфон – переписывалась с друзьями, стараясь убедить себя, что ей ни капельки не страшно.

Где-то далеко залаяла собака – в ответ ей сразу завывала другая... третья...

Герхард встрепенулся, с подозрением глянул в окно и опять завёл своё:

– Шнеефрау, шнеефрау, шнеефрау идёт!

Лиза сидела, смотрела на экран смартфона, боясь повернуть голову и увидеть в саду жуткую белую фигуру. Жалюзи опускать не хотелось – почему-то казалось, что лучше уж видеть опасность своими глазами...

Время тянулось и тянулось. Около полуночи она чуть задремала, несмотря на непрерывное бормотание и вскрики пациента. За окном протяжным призрачным голосом пел ветер.

Лиза думала: каково же было той несчастной женщине – в поле, в мороз, в пургу? И ребёнок внутри неё – умер ли он первым – или ему пришлось пережить жуткие мгновения судорог в плену остывающего трупа матери?

Она осторожно покосилась на окно. В свете фонаря кружились редкие снежинки, но фигуры сегодня не было.

– Идёт, идёт, она идёт! – вопил Герхард.

16

– Нет никого, нет, успокойся! – ласково заворковала Лиза.

Она принялась пристально разглядывать лицо старика, пытаясь представить себе его в молодости: холодные голубые глаза, четкие черты, резкие движения...

В этот момент в дверь коттеджа позвонили.

– Не открывай, не открывай! – заорал Герхард с ужасом, – это она!

Но Лиза, тряхнув головой, встала и пошла отпирать. Наверняка это вернулась из гостей Барбара – или соседи зашли их поздравить. Праздничная ночь, все гуляют...

...На пороге никого не было, лишь завывания вьюги ворвались в тёплый холл. – Ааааааа... – истошно закричал из комнаты Герхард, – она здесь! Шнеефрау!!!

Лиза бросилась на помощь, но не успела – старик скатился с кровати на пол и забился в агонии.

Буря за стеклом взвизгнула, как новорождённый младенец. Герхард в последний раз дёрнулся – и затих. Лиза схватила его за руку, в отчаянии пытаясь нащупать пульс.

...Её первый пациент был мёртв. Лиза уселась на пол рядом с телом и безутешно зарыдала: оплакивала ту давно замерзшую где-то в здешних полях женщину, нерождённого младенца, и заодно – глупого юного фрица, сотворившего великое зло...

– Шшшшшшнееефффффрау... – просвистел ветер, улетаая к заснеженным макушкам гор.

** Да! Здравствуйте!*

*** Здравствуйте! Я Барбара.*

**** Не спать! Не спать! Снежная баба идёт!*

***** Видишь?!*

******Счастливого Рождества, Лиза!*

Земля – Орион. Конкурс рассказов «Разговор»

Кот на крыше в лучах заходящего солнца

Джон Маверик

У соседей опять праздновали. Мигали разноцветные лампочки в темной листве деревьев. Оплетенная диким виноградом беседка сочилась ярким – как будто солнечным – светом и веселыми голосами. В ночном воздухе плыла музыка. Какая-то красивая и грустная восточная мелодия. Хрупкими серебряными нотами она вплеталась в тихий разговор двух влюбленных, сидевших на лавочке в саду у Сониных родителей.

– Как это, не можешь думать о будущем? – недоумевал Марек. – Да что с тобой сегодня такое? Что случилось?

– Ничего.

Соня нервно стискивала на коленях свои тонкие пальцы и говорила, не поднимая глаз. Почти ей на голову свисала с балкона цветущая герань, но девушка не отстранялась. Заслоняя лицо, спутанная охапка стеблей и листьев скрывала ее волнение, а сильный травянисто-эфирный запах помогал сдерживать слезы.

– Я думал, ты...

– Марек, – произнесла Соня растерянно, – Прости... Это совсем не то...

– Ты не больна? – внезапная догадка заставила его отшатнуться.

Но тут же в голове закрутились мысли: врачи, хорошие клиники, он не пожалеет никаких денег, хоть их и не много... а может быть, ошибочный диагноз? Да если и не ошибочный, ведь можно побороться? В наши дни – и рак не приговор. Или что это может быть за страшный недуг? Вот она, сидит рядом, такая осязаемая, нежная девушка, с которой он мечтал связать свою судьбу. Неужели в этом любимом и прекрасном теле, словно червоточец в весеннем дереве, завелась смертельная болезнь?

– Нет-нет, – быстро сказала Соня. – Я здорова. Мой ангел очень стар и скоро умрет.

– Какой еще ангел?

Марек ничего не понимал.

И она рассказала.

– Знаешь... Это, наверное, странно. Это что-то вроде нашего семейного предания. Или назови как хочешь. Но я родилась шестимесячной, очень маленькой. Не могла сама дышать. Лежала в кювезе, вся опутанная трубками и проводами. Врачи сказали маме, что я, скорее всего, умру, – Соня вздохнула.

– А если и нет, то вряд ли вырасту нормальной. Понимаешь?

– Нет, – Марек тряхнул головой.

– Мама очень переживала, плакала, не переставая. И все равно надеялась. А потом одна медсестра подарила ей маленького котенка. Сказала, это ангел для вашей дочки. Он будет хранить ее жизнь.

– Так и сказала? – нахмурился Марек.

– Да, – просто ответила Соня. – И я выжила. А котик... мама назвала его Франц... он, и в самом деле, меня хранил. Когда я болела, не вылезал из моей постели. И всегда ложился на больное место. Защищал меня от собак. Однажды разогнал целую стаю! И ты бы его видел – огромный рыжий шар, шерсть на загривке торчком, когти выпустил, шипит, воет... Настоящее чудовище. Они, псы эти, поджали хвосты и разбежались. Большие дикие собаки испугались кота! В другой раз я уронила на себя тяжелую китайскую вазу. Знаешь, такая, напольная, фарфоровая. Но у нас она почему-то стояла на комод. Она бы меня точно убила, эта ваза, или покалечила. Но Франц бросился ко мне, прямо-таки сбил с ног, и мы оба отлетели – в другую сторону. Только осколками нас немного осыпало. Вот, у меня до сих пор шрам на щеке. Марек осторожно коснулся тоненькой полоски на ее коже.

– Да разве это шрам!

– Могло быть гораздо хуже, – вздохнула Соня. – Если бы не Франц... Он, как нянька, за мной всюду ходил. Даже мое первое слово было не «мама» и не «папа», а «мяу»!

Марек рассмеялся.

19

– Но кошки не говорят «мяу». Это звукоподражательное...

– Знаю, знаю. Но только представь себе. Франц меня вырастил. Он мне и отец, и мать, – говорила она сбивчиво, горячась. – Нет, конечно, маму и папу я тоже люблю... Очень... Но Франц...

– Ну, хорошо, – улыбнулся Марек. – Мне уже не терпится познакомиться с этим героем. Надеюсь, мы понравимся друг другу. Но, я не понимаю, чего ты боишься?

Соня откинула герань от лица, так резко, что чуть не выдернула ее с корнем.

– Он хранил мою жизнь – с самого начала. И она закончится с его смертью. Францу сейчас девятнадцать лет. Кошки дольше не живут. Год или два ему осталось, не больше. А значит, и мне тоже.

Марек помолчал.

– И ты веришь в эти глупости? – спросил, наконец.

– Да, звучит нелепо. Но, знаешь, верю. И дело не в семейном предании. Не только в нем. Между нами – между мной и Францем – всегда была какая-то мистическая связь. Когда я заболела воспалением легких – он чуть не задохнулся. А когда Франц однажды сломал лапу – я вдруг начала хромать. У нас и боль, и радость – все было на двоих. Мы, наверное, родились в один день. И в один день уйдем.

«Ну, это уже полная чепуха!» – хотел воскликнуть Марек, но осекся и молча обнял Соню, и, прижав к себе, заглянул в глаза.

– Сколько бы лет ни осталось – они все наши, – сказал он тихо. – И потом... Может, ангелы живут дольше, чем обычные кошки?

– Да... – девушка кивнула, улыбаясь сквозь слезы. – Может быть.

– Пойдем в дом? – предложил Марек. – У меня от этой герани уже голова разболелась.

Все так же, обнявшись, они поднялись на крыльцо. Из открывшейся двери брызнул теплый свет и вышел – юной хозяйке навстречу – большой рыжий кот. Задрав трубой пушистый хвост, он потерся о Сонины ноги и сурово взглянул на ее спутника, словно вопрошая:

– А ты кто такой? Ты не обидишь мою любимую девочку, правда? Только попробуй ее обидеть! Будешь иметь дело со мной!

Он даже когти выпустил, словно играя, но, по напряженно выгнутой кошачьей спине и чутко стоящим ушам Марек понял – хвостатый ангел не шутит.

Парень выдержал взгляд ярко-зеленых, как ягоды крыжовника, глаз кота и чуть заметно кивнул. Мол, не беспокойся, Франц. Все будет хорошо.

Тревога слепа, а у любви зоркие глаза. Прав оказался Марек, и рыжий Франц прожил в их доме не год-два, а целых восемь с половиной лет. До такой глубокой старости обычно не дотягивают коты. Он даже успел понянчить хозяйского сына, как верный пес, следуя за ним повсюду и оберегая от любой опасности. Он учил крошку-Эрика ползать. Ловил для него ящериц, кротов и землероек (несчастливых зверьков Соня со вздохом вынимала из кошачьих зубов и, чуть живых, выпускала подальше, в кусты). Катал его машинки, легонько толкая лапой. Приносил ему мячики. Спал в детской кроватке, прижимаясь к голове мальчика меховым бочком. Уходить из дома, оставляя малыша на попечении кота, вообще-то, не принято, но, это же Франц... Его странная душевная связь с хозяйкой не ослабла, нет, но он, словно добрый ангел, простер невидимые крылья над всей семьей. И беды обходили стороной уютный маленький дом под черепичной крышей.

Все хорошее когда-нибудь кончается. Поздней осенью, когда темные, голые деревья в саду мокли под холодным дождем, рыжий кот простудился и занемог. Он лежал на коврик у батареи и тяжело дышал, провожая мутным взглядом своих дорогих людей, и как будто не узнавал их. Врачи разводили руками – старость, организм изношен. Ничего сделать нельзя.

Соня в тот год ждала второго ребенка, девочку, и радовалась, предвкушая счастливую возню с малышкой, покупала крохотные розовые ползунки и костюмчики, шапочки и кофточки, украшала новую детскую комнату. Болезнь Франца словно окатила ее ледяным душем. Соня побледнела, погрузилась и замкнулась в себе. С каким-то отчаянным упорством она ухаживала за котом, давала лекарства, поила его из шприца, готовила какие-то особые вкусные паштеты, которые, впрочем, отправлялись позже в мусорное ведро почти нетронутыми. Понимая, о чем она думает, Марек старался как-то расшевелить жену, утешить... но та лишь пожимала плечами и отворачивалась, равнодушная ко всему и всем, кроме умирающего кота и растущей внутри нее

самой жизни. Только раз, устав от беспокойных расспросов мужа, Соня прошептала:

– Я каждый день молю Бога, чтобы она успела родиться.

Марек хотел ответить мягко, но неожиданно для самого себя разозлился – не на любимую, а на ее страх.

– Конечно, успеет! И проживет долгую, счастливую жизнь. И мы с тобой тоже.

Соня опустила глаза. Ее губы слегка шевельнулись.

– Что? – наседали на нее Марек. – Да или нет?

– Не знаю, – прошептала она.

– Да что ты вбила себе в голову? Что за ерунду? Даже твоя мама сказала, что это ерунда, дурацкие предрассудки. Я говорил с ней вчера.

Соня молчала.

– Милая, мне очень жалко Франца. Я успел к нему привязаться. Но его время, наверное, пришло. Он и так долгожитель среди котов, хоть в книгу рекордов Гиннеса его записывай. Но мы-то тут при чем? Мы молоды и здоровы. У нас растет сын, а скоро будет еще и дочь. Пожалуйста, перестань себя доводить. Лучше придумаем для малышки имя, а? Может, назовем ее в честь твоей бабушки?

Но Соня молчала и до крови кусала губы.

Вечером у нее начались схватки, а к утру на свет появилась долгожданная Кристина, миниатюрная и очень красивая, с тонкими бровями и легкими, как золотой пушок, жидкими волосиками на затылке. И всякий, кто ее увидел, непременно сказал бы, что она – копия своей покойной прабабушки. В тот же миг, как новорожденная девочка огласила палату приветственным криком, сердце верного Франца пропустило один удар... и еще один...

К возвращению дочери из больницы родители Сони украсили крыльцо розовыми и белыми воздушными шарами. Наполненные гелием, шарики толпились над лестницей, натягивали веревки, словно желая оторваться от перил и улететь высоко в небо. Да и день выдался неожиданно светлый и солнечный, какой-то неуместно весенний, как будто сама природа праздновала вместе с людьми появление нового человека. Но лица близких выглядели смущенными и печальными. Соня вышла из машины с белым свертком в руках. За ней – такой же смущенный – последовал Марек.

– Где Эрик? – спросила она.

Мама виновато улыбнулась.

– В детском садике. Очень ждет сестренку.

– Что такое? – Сонин взгляд заметался от матери к отцу, потом – к мужу. – Почему вы так смотрите? Франц! Что с Францем?

– Он ушел... – сказал отец. – Ушел из дома.

– Как ушел? – растерялась Соня. – Куда ушел? Он же не вставал? – и с внезапной надеждой. – Ему стало лучше?

– Его уже пять дней никто не видел.

Соня пошатнулась. Провела ладонью по лицу, словно стряхивая с глаз свой самый страшный кошмар.

– Подержи, – попросила она мужа и, передав ему ребенка, побежала вокруг дома, выкликая имя кота.

– Франц! Франц! – остановилась, задрав голову... и вдруг по ее лицу рапплылась счастливая улыбка. – Вот же он! Франц!!! Фра-а-а-анц! Зачем ты туда забрался, дурачок? Спускайся скорее, иди сюда, я здесь! – замахала она руками.

Крохотная фигурка кота на крыше – на самом коньке – не шелохнулась, не изменила позы, не повернула головы.

– Франц?

Сонины плечи опустились. Она долго смотрела, прищурившись, уже не улыбаясь, а когда повернулась к близким, на щеках ее блестели мокрые дорожки от слез.

– Марек? Это ты сделал?

– Что? – прищурился он из-под руки.

Солнце било в глаза. Но и сквозь яркий свет ему удалось разглядеть, что кот на крыше – ни что иное, как глиняная декоративная фигурка, обожженная под цвет черепицы. Странно, но она и в самом деле походила на сидящего Франца. Неудивительно, что Соня обозналась.

– Папа? Мама?

22

Но и родители изумленно пожимали плечами.

– Марек! – снова накинулась она на мужа. – Зачем? Зачем, скажи! Кого ты хотел обмануть?

– Это не я! – защищался тот. – Клянусь тебе, я сам его впервые вижу! Ей Богу! Она плакала, горько и безутешно, как несчастный, брошенный всеми ребенок, в один момент лишившийся самого дорогого – любви, защиты, дружеского и материнского тепла. Потом, неуверенно оглянувшись на своих родных, покачала головой, взяла из рук мужа сладко сопящую дочку и пошла в дом.

Они и сейчас любят гулять по вечерам – Марек и Соня – взявшись за руки и скользя взглядами по верхушкам деревьев. Брести мечтательно и неторопливо, доходя до перекрестка и опять возвращаясь, взад и вперед по длинной-длинной улице. Особенно ясными летними вечерами, когда огненный солнечный диск медленно опускается за пушистую от мелких розоватых облаков линию горизонта. Рыжее небо. Рыжая черепица на крыше отливает червонным золотом. А на ней рыжий кот словно изготовился к прыжку. Вот сейчас он изловчится и покатит солнце, как большой мяч, куда-нибудь за дальний лес.

– Смотри, он как живой, – говорит Соня. – Он и есть живой, только по-другому.

Марек молча и сильно стискивает ее руку.

– Знаешь, – грустно усмехается Соня, – я ведь думала, что вы, как в том рассказе про последний листок, поставили на крышу глиняную фигурку. Чтобы успокоить меня. Заставить жить. Ты клялся и божился, но, может быть, папа? Я была и вне себя от горя, и зла на вас, и растрогана одновременно. А потом я поняла... что вы тут ни при чем. Что Франц – настоящий. Он выбрал себе это тело взамен старого, чтобы оставаться с нами. И он будет хранить нас до самого конца, и наших детей, а может, и наших внуков.

Марек молчит, улыбается и задумчиво кивает. Он знает, ангелы не умирают, как не умирает любовь. Даже если они – всего лишь коты.

Солнце садится. И тогда кажется, что Франц сидит очень высоко, там, где далекие ночные светила парят в темноте серебряными каплями и прозрачный серпик луны тает, как леденец в чае, растворяясь в сером ночном тумане.

А еще говорят – но это не точно – что когда весь поселок погружается в глубокий сон, глиняный кот Франц одним упругим прыжком отрывается от крыши и резвится среди звезд, подбрасывает их и ловит, и гоняет по небу, как гонял по дому разноцветные мячики – когда-то давно, в иной своей жизни.

Земля – Орион. Конкурс рассказов «Магический реализм: Топотун и другие»

Пойду с тобой
Джон Маверик

Все повторяется... Все на свете повторяется. Это не дежавю. Это происходило и происходит на самом деле. Чужая тень на стене, темная, вытянутая, угрожающая. Чьи-то шаги за спиной. Сара почти бежит, одну руку с болтающейся на локте сумочкой прижимая к сердцу, другой – поддерживая огромный живот.

Больше всего она боится... испугаться. Страх убивает все живое. Когда-то он отнял жизнь у двух ее нерожденных сыновей. Шесть лет назад Сара, носившая под сердцем долгожданное и уже любимое дитя, шла по этому же самому переулку, а другим путем пройти к ее дому и невозможно – и за ней увязался какой-то здоровенный тип. Его лица она не видела, вернее, увидела мельком – когда этот бугай ее уже догнал и тронул за плечо. А потом... Сара плохо помнила, что было потом. Она кричала и молотила его кулаками.

«Что он тебе сделал?» – спрашивал в тот же вечер обеспокоенный муж. Спрашивали врачи и полицейские. – «Ничего», – отвечала она. – «А что хотел?» – «Кто его знает...»

24

Что может хотеть мужчина, преследуя женщину – хрупкую зеленоглазую блондинку – в безлюдном переулке? И хорошо, если ему нужен только ее кошелек. У Сары в сумочке лежали документы, ярко-красная помада и какая-то мелочь. Грабителю поживиться нечем. А переулочек хоть и не темный – потому что дело было среди бела дня – но длинный и узкий. Только асфальт под ногами и небо над головой, неожиданно высокое, словно смотришь на него из глубокого колодца. Бледная полоска травы и дома, повернутые к дороге глухими стенами. Кое-где на белом кирпиче намалеваны граффити. Фальшивые окна и балконы, и даже – разодетые по-старинному дамы и господа, или вполне современные парни и девчонки, выглянувшие на улицу из своих квартир. Дети в ярких одеждах с мячами, куклами, собачками и кошками в руках. Герани на подоконниках. Тени прошлого. Фантомы, призванные хоть немного оживить мрачный пейзаж. Но стены не только глухие, а еще и слепые. Они не услышат твоего крика, не увидят твоей беды. И нарисованные люди не поспешат на помощь.

Потрясенная Сара долго не могла прийти в себя, в ней как будто что-то сломалось – страшно и непоправимо. На другой день она родила на свет мертвого мальчика.

Спустя почти три года это случилось вновь. И опять – у Бога вымоленный ребенок... И кто-то идущий по ее следам, тихо, как бродячий кот, ступающий по неглубокому снегу. Но ее слух обострился. Кажется, упали где-то горошина в сугроб – Сара вздрогнет. Зима выдалась странная. То мороз, то оттепель, и

снова холод такой, что птицы падают с веток, похожие на разноцветные елочные шары и такие же хрупкие, будто стеклянные... На асфальте снег подтаял, потом замерз и, присыпанный сверху влажными белыми хлопьями, превратился в опасный каток.

Прижав обе ладони к груди, Сара обернулась. Ее преследователем оказался на этот раз молодой длинноволосый парень в тонкой куртке синего цвета и черной лыжной шапке, которую он натянул почти до самых глаз. Незамеченным, он подобрался совсем близко. Но на этот раз у его жертвы в кармане лежал перцовый баллончик. Муж настоял. Вообще-то, он был против, чтобы Сара куда-то выходила одна – в ее положении. Тем более, после того, первого случая. Но не сидеть же с утра до вечера дома.

Поэтому мужу она ни о чем не рассказала. Ни как брызнула из баллончика в лицо длинноволосому, ни как – не глядя, что стало с преследователем, наверное, ему несладко пришлось, но сам виноват – побежала, и, конечно, поскользнулась на мерзлом асфальте.

Может быть, это наказание за что-то, думала она после, вызывая в памяти тот страшный вечер. Если Бог не дает ей детей – живых детей – то это, наверное, не просто так? Она молилась, но сердце молчало. И все ее существо тосковало – каждый день, каждый час, каждую минуту. Муж не упрекал, не вспоминал о потерянных сыновьях, не растревлял так и не зажившие раны, но Сара нет-нет да и замечала его грустный взгляд. А детская комната, когда-то с такой любовью обставленная, так и оставалась пустой.

25

И вот, чудо случилось в третий раз! Сара ждала дочь. Но... все повторялось... Все опять повторялось, неотвратимо, чудовищно... словно в кошмарном сне. Кто и когда, а главное, почему написал для нее этот жуткий сценарий? Только бы не испугаться, твердила она онемевшими губами. Страх беззвучно кричит, но слышно его далеко. И на его зов сбегаются одичавшие собаки, хулиганы, грабители, насильники, маньяки... да кто угодно. Достаточно всего один раз ощутить себя жертвой – и ты будешь ей снова и снова, пока тебя не растопчут окончательно, не разрушат, не вытравят из тебя личность, человеческое достоинство, способность любить.

Спокойно, сказала себе Сара, сейчас лето, баллончик при мне. Да мало ли, кто там идет сзади. Я не стану убегать, не оступлюсь, не впаду в истерику. И с какой-то обреченностью, остановившись, она оглянулась через плечо.

И увидела девушку. Совсем юную, возможно, школьницу, с растрепанными светлыми волосами, словно наспех перехваченными шелковой голубой лентой. Да и вся она казалась какой-то взъерошенной, запыхавшейся, словно долго бежала. Сара с облегчением выдохнула, ожидая, что девчонка пройдет мимо, но та подошла к ней вплотную и, робко тронув за рукав, сказала:

– Пойду с тобой.

Что-то смутно знакомое было в ее лице, бледном, растерянном, с тонкими чертами. Может, в разлете бровей, белесых, как сухая трава. Или в том, как она кривила губы? В солнечно-изумрудных глазах с рыжеватыми крапинками

по всей радужке? В почему-то неровно остриженной пушистой челке, пропитанной светом, легкой и золотистой?

– Со мной? – удивилась Сара, слегка отпрянув. – Почему со мной? У тебя что-то случилось? Нужна помощь?

Девчонка коротко мотнула головой, но не двинулась с места.

– Меня зовут Лора, – сообщила она зачем-то, как будто это что-то объясняло. Саре не хотелось пускать к себе домой незнакомого человека. Мало ли что. Девчонка, несмотря на безобидную внешность, могла оказаться мошенницей, воровкой, сумасшедшей, да мало ли кем еще. Сколько фильмов снято на подобную тему. Детективов, триллеров, драм... Но жизнь – не фильм, в ней все проще. А порой – и трагичнее. Незнакомка могла принести в квартиру какую-нибудь инфекцию и этим причинить вред ребенку. Но и сказать «нет» у Сары не повернулся язык, и не потому, что, она, в принципе, не умела отказывать. Но было в девочке что-то, вызывавшее жалость и теплоту, и желание заботиться. Или какое-то другое, более сложное чувство, названия которому Сара не знала. Что-то из далекого детства, когда она вместе с бабушкой чуть ли не по складам читала Библию. Принимая гостя с открытым сердцем, ты никогда не знаешь – может это ангел зашел в твой дом... Или как там говорилось? Память скрадывает слова, но оставляет смысл, который, словно любовь в сердце, горит ярким огнем. И, как бы мало ни напоминала Лора ангела, может быть, помогая ей, и сама она, Сара, удостоится милости?

26

И она неуверенно кивнула.

– Ну, что ж. Пошли.

Войдя в квартиру, девочка с любопытством огляделась.

– А там что? – показала она на дверь в конце коридора. – Детская?

– Нет, – ответила Сара, – там кухня. Ты хочешь есть?

– Хочу.

Она разогрела для гостьи вчерашний суп с клецками и картошку с мясом. Лора уплетала за обе щеки, так, словно не ела по меньшей мере трое суток, и разве что не вылизала тарелку.

– Ты вкусно готовишь, – удовлетворенно прикрыла глаза. – Мне нравится.

– А «спасибо»? – усмехнулась Сара.

Девчонка ненадолго задумалась, подперев щеку кулаком и блуждая взглядом по кухонным шкафам, по чашкам и кастрюлькам, и рассеянно кивала каким-то своим мыслям.

– Хорошо. Спасибо. А ты разве одна живешь?

– Муж на дежурстве, – вздохнула Сара.

Если она и ждала от незваной гостьи каких-либо пояснений или, может быть, просьб, то ее ожидания не оправдались. Лора вела себя странно, как-то уж очень по-хозяйски, и явно не собиралась ничего объяснять.

– Хорошо, – повторила она. – Я буду рада его увидеть, – и, легко вспорхнув из-за стола, потребовала. – А теперь – покажи мне детскую!

– Нет! – закричала Сара. – Туда нельзя!

Но куда там. Девчонка уже вступила в ее храм, залитый светом надежды. Розовые обои в мелкий белый цветочек. Розовый полог над плетеной люлькой. Кружевной тюль на окнах, и занавески – тоже золотисто-розовые, с гладкими узорами.

– Ничего не трогай! – в отчаянии сказала Сара.

Ее гостя благосклонно разглядывала убранство комнаты, улыбалась, качала головой.

– А почему одеяльце голубое? – спросила она с легким недоумением.

Сара задыхнулась. Она так и смогла ни выбросить, ни отдать его – купленное для сына. От бесцеремонного вопроса кольнуло сердце.

А Лора стояла посреди детской и словно растворялась в ее пространстве, становясь прозрачной, распадаясь на скользящие блики, на улыбку солнца, на тени и свет, на блеск подвешенных над люлькой разноцветных шариков. Она казалась столь же уместной здесь, в этой комнате, как сидящий на низком диванчике плюшевый мишка. Как застывшие в молчаливом ожидании игрушки и шкафчик с одеждой. И Сара не выдержала. Неожиданно для самой себя она стала рассказывать, со слезами в глазах, спотыкаясь едва ли не на каждом слове, перебивая саму себя. Про страх, про шаги в переулке, про своих двух мальчиков, так и не увидевших свет. С невероятным облегчением она сбрасывала со своих плеч эту ношу, эту боль и вину. А на смену приходила спокойная уверенность – все будет хорошо.

27

– Но как же мы можем родиться, – изумилась Лора, – если ты нас все время прогоняешь?

– Что? – не поняла Сара.

А зеленоглазая девчонка вдруг улыбнулась, и от ее улыбки попрятались по темным углам остатки страха, растаяли, как снежные островки от весеннего тепла. Все будет хорошо – это обещание блаженства. Это как плотина, за которой скопилась радость, и вот-вот прорвет ее, затопив тебя всю, без остатка. Всего каких-то недели две...

– Не две недели, – сказала Лора, словно прочитав ее мысли. – Сегодня.

Так и случилось. Куда в итоге делась гостя, Сара так и не поняла. Она смутно помнила резкую боль и как девчонка толкала ей в руку телефон – не с испугом, а скорее, с радостью. Потом с дежурства приехал взволнованный муж, и Сару увезли в больницу.

Позднее он клялся, что никого постороннего в квартире не видел. Да и кто там мог находиться? Ей что-то померещилось, не иначе.

Мне померещилось, уверяла себя она. А в другой раз думала, что девочка просто ушла. Что ей было делать одной в чужой квартире? Но почему, когда муж спросил, не назвать ли малышку Лорой, Сара тотчас же согласилась? И это имя, как последний поворот ключа, распахнуло дверь в счастье. Почему на лице ее подрастающей дочери с каждым годом все явственнее проступали тонкие черты зеленоглазой незнакомки?

Как хорошо, что я впустила ее, не испугалась, не прогнала, говорила себе Сара. Она вспоминала, как в детстве к ней приходил в кровать погибший под машиной бабушкин кот и сворачивался калачиком на подушке, баюкая свою маленькую хозяйку тихим мурчанием и грея меховым бочком. Он – теплый и настоящий, живой и на вид, и на ощупь, словно никогда и не умирал. Пару раз она видела и покойную бабушку – правда, издали, как та, согнувшись в три погибели, при бледном свете луны полола что-то в огороде. Наутро сорняки лежали в борозде, а грядки оказывались чистыми, политыми и вскопанными. Призраки материальны. Они всегда с нами – наши любимые и близкие, и те, кто ушел, и те, кто только спешат к нам. А мы – слепцы, не видящие дальше своего носа.

Сара больше ничего не боялась, ни шагов за спиной, ни сумерек, ни пустых переулков. Мерзкий страх, угнездившийся в сердце, однажды растаяв, больше не возвращался. И вдруг она поняла, в каком чудесном городке живет, какие добрые и симпатичные вокруг люди. Как будто с темной стороны она каким-то волшебством перенеслась на светлую – туда, где все по-другому. И стены больше не глухи и не слепы, а нарисованные на них дамы и господа, ребятишки и кошки с собаками – утешают и веселят, и просто радуют глаз.

Однажды Сара гуляла с дочкой в городском парке. Она снова ждала ребенка – вернее, детей, потому что ультразвук показал, что будут близнецы. Стоял солнечный октябрьский день, и маленькая Лора собирала букет из красных кленовых листьев. Одетая в легкую курточку и осенние сапожки, она радостно бежала по тропинке, то и дело оборачиваясь к маме и что-нибудь спрашивая. Вот тогда-то Сара и увидела их – тех двоих, напугавших ее когда-то. Длинноволосого, которому она пшикнула перцовкой в лицо, и здорового детину, схватившего ее за плечо. Они стояли чуть в отдалении и смотрели в ее сторону, словно не решаясь приблизиться. Сара помахала им рукой – и они подошли.

Да ведь они, оказывается, совсем юные, почти дети, поразила ее, школьники или вчерашние школьники. Как можно было их испугаться? И здоровяк – он же копия ее мужа на выпускной фотографии. А у длиноволосого глаза светло-изумрудные с рыжими крапинками, как у ее дочери, как у самой Сары.

– Пойдем с тобой, – сказали они.

Китайские вазы

Marara

1.

– Привет, Мэй Гуанг!

Как ты там поживаешь в своей фарфоровой стране?

У меня пока всё по-старому. Только Хуану я накостылял сегодня, вернее, мы с Джуди ему накостыляли. Этот дурак сказал, что мои родители – преступники, их сослали на шахты или вовсе расстреляли, и я лишь поэтому живу с бабушкой и дедушкой. Но это – враньё чистой воды! Мои мама и папа – геологи. Они ищут минералы для нашей страны: нашей стране нужны минералы, об этом и сам правитель сказал недавно по телевизору! Конечно, на севере, по соседству с их экспедицией много шахт, на которые сосланы преступники, но при чём тут я? – Диего на минуту задумывается и вздыхает, – Плохо, что Хуан выше и сильнее меня. Хорошо, хоть Джуди подросла вовремя. Она тоже живёт с бабушкой и терпеть не может шуток об исчезнувших куда-то родителях. А вообще она – всегда за меня. И дерётся лучше, чем любой парень из нашей школы. И потом – она классная, заводная, с ней всегда интересно. Только некрасивая очень: вся в веснушках, нос длинный и рот до ушей. Будь она такой, как ты, Мэй Гуанг, ей бы цены не было. Впрочем, ты – нарисованная. А какая ты живая, никто не знает...

29

Ну да ладно, пока, я пошёл спать.

Диего проводит ладонью по голубому нарисованному личику Мэй Гуанг и выключает свет. Девочка ему всё равно не ответит: она будет всю ночь глядеть своими узкими глазами куда-то вдаль, держась за руку своей нарисованной мамы на фоне диковинной беседки с островерхой необычной крышей, да и утром будет глядеть туда же, что бы Диего ей не рассказал. Она нарисована на огромной китайской вазе в рост человека. Диего, наверное, предпочёл бы побеседовать с голубым драконом с поверхности другой китайской вазы, стоящей по ту сторону окна возле пианино, но ваза с девочкой стоит почти у изголовья его дивана и он уже привык к малышке, как к постоянной молчаливой собеседнице.

Диего – худенький, черноволосый мальчик, живущий в прекрасной стране, раскинувшейся у океана. В далёкой, сказочной стране США, жителей этой страны называют «латинос». Впрочем, там жителей всей южной Америки называют «латинос», и Диего абсолютно всё равно, как его называют далёкие янки: он очень любит свою страну за ослепительно-белое солнце в безоблачном ярко-синем небе, за буйную тропическую зелень, вьющуюся вплоть до пунцовых гор и за демократию, которая пришла в их страну с великим правителем, возглавившим революцию. Правителя Диего тоже очень

любит – за его мудрые цветистые речи и за храбрость, с которой правитель противостоит козням далёких янки.

А ещё Диего очень гордится своими родителями. Мама и папа Диего работают геологами в пунцовых горах. Это очень важная ответственная работа. Они ищут залежи серебра и урана, которые так необходимы стране и правительству. А потом в местах этих месторождений копают глубокие шахты, куда на работу ссылают противников правительства. И хотя правитель по доброте своей помиловал этих неразумных неблагодарных людей, они ненавидят и свою страну, и самого пощадившего их правителя, и вообще всех ни в чём не повинных мирных жителей. Когда эти нелюди удирают из шахт, они сбиваются в банды, и полиции очень трудно их выследить и обезвредить. Поэтому Диего боится за маму с папой – а вдруг они со своей экспедицией попадутся в лапы какой-нибудь такой банды, и разбойники их убьют? Говорят, что разбойники так озверели в своих шахтах, что стали настоящими людоедами: если им не хватает пищи, они могут убить сотоварища и сожрать его. Диего даже передёргивает, когда он думает о подобном; но пока всё в порядке. От мамы к бабушке изредка приходят письма на желтоватой бумаге и с печатями на конвертах. Пишет она очень скупно: жива, здорова, напишите мне о том, как растёт мой ненаглядный мальчик. И Диего под диктовку бабушки пишет маме ответное письмо о своих школьных успехах, о том, как он любит свою страну и её правителя, и о том, как он гордится своими родителями, которые выбрали для себя такую ответственную и нелёгкую работу.

Диего живёт с бабушкой и дедушкой почти всю свою сознательную жизнь. Дедушка родом из старинной испанской, всеми уважаемой семьи, земельные владения которой простирались вплоть до самых пунцовых гор. Но когда началась революция, дедушка тут же стал на сторону нынешнего правителя-революционера, а потом долго работал в новой администрации на благо своей демократической родины. За это дедушке с бабушкой разрешили остаться жить в том же доме, где они жили до революции, а вокруг построили посёлок из домов попроще. В этих домах теперь живут пенсионеры, сделавшие что-то очень важное для своей страны, и все этих людей очень уважают, хоть бабушка презрительно зовёт их нуворишами. Дед, слыша её бурчание, суровеет лицом и велит прикусить язык, т.к. её снобизм к добру не приведёт. Но Диего давно не обращает внимание на ворчание бабушки: она и папу Диего однажды назвала омерзительным нуворишем, погубившим её дочь. Бабка не знала, что Диего в этот момент не спит и всё слышит. Впрочем, Диего и раньше догадывался, что бабушка с дедушкой не любят за что-то его отца.

Диего папу совсем не помнит; в геологическую экспедицию он уехал едва ли не сразу после рождения сына. А маму он помнит, но смутно. Мама жила с

ним в том самом большом городе, где нынче живёт сам правитель, и она всегда уходила на службу на целый день, оставляя сына в детском саду. Диего помнит лишь, что детский сад ему совсем не нравился. Его плохо кормили, над ним смеялись, что он – неженка, не умеющий давать сдачу, и он всегда тосковал по ушедшей маме. Мама была добрая и красивая, такая же как бабушка в молодости. Портрет бабушки и мамы-малышки висит в кабинете деда, и образ взрослой мамы давно слился в воображении мальчика с обликом юной бабки: прекрасное тонкое лицо, синие глаза, тяжёлые чёрные волосы, ниспадающие до пояса. В такую маму невозможно не влюбиться!

Мама привезла его к бабушке и дедушке давным давно, когда он был ещё совсем сопливым малышом. Он тогда ничего не понимал, не понимал даже, как важно задание, которое предстояло выполнять его маме. Папу он уже не помнил, а за мамину юбку вцепился и отчаянно ревел. Ни бабушку, ни дедушку он до того никогда не видел, и всем своим детским сердечком ощутил, что их с мамой появление стариков не обрадовало, скорее напугало. Но дедушка, а он у Диего очень строгий, крепко взял мальчика за тонкую ручонку, отвёл в свой кабинет-библиотеку и велел ждать: взрослые должны побеседовать между собой. Диего не посмел его послушаться, и это не удивительно. Дедушка – тоже командир у себя на работе, пусть и не такой важный, как правитель всей страны, и деда слушаются не только дети, но и взрослые. Не послушалась его лишь собственная глупая дочка, которая и была мамой Диего. Она вышла замуж за папу, хоть и могла сделать куда лучшую партию. Это Диего уже потом догадался из коротких бабушкиных и дедушкиных реплик между собой. Но ему они ничего такого не говорили: хвалили маму и папу, рассказывали, какую серьёзную работу они делают; им даже некогда приехать и навестить своего ребёнка.

Это было очень давно, и Диего плохо запомнил даже лицо мамы в момент прощания. Помнит лишь, что мама была заплаканна, и бабушка тоже. Но он уже привык к жизни у бабушки с дедушкой, к тяжёлым бархатным шторам на окнах старого дома, к изящным старинным китайским вазам, о которых бабушка рассказывает ему сказки по вечерам.

В жизни в посёлке ему не повезло лишь с одним: с настоящей мужской дружбой. В посёлке бабушки и дедушки вообще нет детей: только он и Джуди. Он подружился с ней в пять лет – сразу после приезда сюда, и все прошедшие годы они неразлучны, как брат и сестра. Бабушка, правда, дружбу эту не очень-то одобряет: Джуди не учится играть на пианино и порой говорит слова, которые и грубым мальчикам при девочках говорить нельзя. Вдобавок, она даже не христианка! Но Джуди – единственная сверстница Диего в посёлке, и бабушка всегда ставит на стол два прибора, когда дети возвращаются из школы. Бабушка даже старательно не замечает оттопыренных карманов

Джуди, когда та после обеда вприпрыжку несётся домой к своей бабке: старухе, видно, есть нечего, и Джуди ворует для неё еду.

Джуди всегда приходят в голову заманчивые идеи, но ни одну из этих идей бабушка не одобрила бы, узнай она о её содержании. Вот и сейчас Джуди придумала сделать подкоп в сарайчик дедушки Диего, в котором хранится инвентарь для сада. Диего в сарайчик дедушка не пускает: мало ли что, может, ребёнок испортит травкосилку или поранит себя топором. А Джуди решила, что там клад: слишком уж много предосторожностей для охраны хилой дворовой постройки. Ключа у них, конечно, нет, и Джуди предложила сделать подкоп с задней стены сарайчика: дед всё равно никогда не заглядывает в узкий промежуток между задней стеной и забором. Один из них – Диего, будет играть во дворе и следить, чтоб бабушка не вышла во двор, а Джуди в это время будет копать неподатливую землю. А если подкоп обнаружат, подумают, что его сделала лисица.

2.

– Привет, Мэй Гуанг!

Как ты там поживаешь в своей фарфоровой стране?

32

У меня для тебя новость: мы можем скоро увидеться и познакомиться по-настоящему! Я нашёл волшебную жемчужинку, о которой говорила мне бабушка. Я думал – это сказка, но это не сказка. Жемчужина лежала на полке в сарайчике, рядом с фотоальбомом. А в альбоме – фотографии моей мамы! Она тоже очень красивая, как твоя! Но лицо у неё совсем другое, тонкое, а не круглое. Я, если честно, даже забывать стал как она выглядела, ведь в доме, почему-то – ни одной её фотографии не осталось! Бабушка сказала мне, что мама забрала их с собой на север, а сама спрятала их от меня в сарай. Взрослые порой ведут себя очень странно! И даже спросить нельзя: ведь я не должен был оказаться в этом сарайчике...

А про жемчужину бабушка мне часто рассказывала в детстве: она в кулончике, маленьком овале из перламутра. Если лунный свет в полнолуние, ровно в полночь, попадёт на жемчужинку и в ней зажжётся огонёк, нужно сказать заклинание. Главное потом не забыть следить за жемчужинкой, чтобы она не поголубела окончательно; если вовремя не сказать заклинание возврата, то останешься в фарфоровой стране навсегда! Так что, до скорой встречи!

Диего улыбнулся и осторожно раскрыл ладошку: в ней заветный бабушкин кулончик. Жемчужина красивая: молочно белая, гладкая, а внутри переливаются чуть заметные искорки. Когда он был маленьким, бабушка всегда рассказывала ему одну и ту же сказку: о том, как она попала в

фарфоровую страну Китай и подружилась с Мэй Гуанг, чудесной маленькой китаяночкой, изображённой на вазе. Диего думал, что бабушка выдумала эту историю, чтобы отвлечь его от тоски по его маме.

Диего выключил свет и, не раздеваясь, забрался под одеяло. За стеной в своей спальне укладывались бабушка с дедушкой: они вполголоса переключались, кряхтели, скрипели досками широкой двуспальной кровати, и Диего, сам того не замечая, заснул. Но ровно в полночь, он подскочил, будто его позвали. Мальчик подошёл к окну, подставил жемчужину под луч лунного света и произнёс ту тарабарщину, которую повторяла ему бабушка, рассказывая о фарфоровой стране. И надо же! Обе вазы засияли голубовато-белым светом, будто внутри каждой включили по яркой лампе! Диего даже зажмурился от удивления, а когда открыл глаза, то оказался перед расписной беседкой с той самой причудливой крышей, которая была нарисована на вазе. Только теперь эта крыша была разноцветной и горела как радуга, а перед самой беседкой стояли мама с дочкой и с изумлением его рассматривали.

– Мама, смотри! Это мальчик из моего сна! – неожиданно захлопала в ладоши нарядная девочка и радостно засмеялась, – Он совсем живой и настоящий!

– Кто Вы, молодой господин? – приветственно кивнув мальчику, поинтересовалась мама девочки. – Если Вы пришли по делу к господину Ле Пеану, то он уехал к императору, чтобы представить ему нашего сына. В доме лишь я, госпожа Аи Бию, Мэй Гуанг, и её старшая сестра, которая берёт сейчас уроки музыки и не может уделить Вам времени.

Очень странно, но хоть женщина и девочка говорили на незнакомом Диего языке, который напоминал ему птичий щебет, мальчик прекрасно понимал всё сказанное; он даже ответил на том же языке, что пришёл не к уехавшему мужу и не к неведомой сестре музыкантше, а самой Мэй Гуанг – просто с ней побеседовать. Госпожа Аи Бию немного этому удивилась, ведь в их стране подобная фамильярность была не принята, но она всё же пригласила Диего в беседку выпить чаю: юный иностранец явно её заинтриговал.

Чай они пили из маленьких фарфоровых чашек, и заваривание его представляло собой целый ритуал. Диего заворожено наблюдал, как госпожа Аи Бию заливает кипятком заварку, как специальной деревянной ложечкой вылавливает чайники и бессвязно рассказывал о бабушке, о её старом доме, о двух китайских вазах, стоящих у окна. На одной из ваз изображены госпожа Аи Бию и Мэй Гуанг, а ему всегда хотелось с ней познакомиться, а на второй – голубой дракон.

– Голубой дракон?! – захлопав в ладоши воскликнула Мэй Гуанг. – Я знаю его! Да все у нас о нём хоть что-то, да слышали! Ведь это – любимый дракон нашего императора! Он самый добрый и благородный дракон на свете!

– Дорогая, – обратилась к дочке госпожа Аи Бию, – расскажи гостю о нашем голубом драконе! А я посмотрю тем временем, как занимается музыкой твоя старшая сестра, не нужно ли чего-нибудь её почтенному учителю.

Женщина ушла из беседки, а Мэй Гуанг, не чинясь, начала рассказ.

– Когда-то, очень давно, Поднебесной правил старый мудрый император. У него было сто жён и двести наложниц, и он каждую из них успевал навестить за год; в его казне было больше золотых монет, чем звёзд на небе, каждый день в столицу заходил очередной караван торговцев, везущих драгоценности для нарядов китайских красавиц, и вывозящих огромные тюки драгоценного шёлка, тончайшего, как паутина и прочного, как кольчуга воина. И всё бы хорошо складывалось в жизни императора, но был у него сосед, тоже император, с которым наш владыка поссорился. А этому соседу служил огромный грозный дракон. И от огненного дыхания этого чудовища целая толпа людей могла обернуться в груды пепла, а стальные доспехи плавилась и текли от жара, как будто они сделаны из воска.

34

Как можно человеку победить страшилище, к которому и приблизиться на расстояние полёта нереально? Пригорюнился наш император и велел позвать мудрого советника. И поведал ему советник, что в драконьем гнезде никогда не бывало одного яйца: в нём всегда два – алое и голубое. И если есть дракон, живущий у соседа, то где-то летает и дракон-близнец, равный первому по силе. А стало быть, нужно этого второго дракона найти и подчинить его воле императора заклинаниями и увещаниями, которые записаны у мудрого советника в специальной книге.

Долго ли, коротко ли, а нашёл мудрый советник Дракона-близнеца, усмирил и привёл к императору. И заключили дракон с императором договор на веки вечные. Император отдал дракону пятьдесят своих жён и сто наложниц; отдал ему сотню отар по сотне ягнят и сотню караванов верблюдов и обязался присылать ежегодно умелых слуг для выполнения разных домашних работ. А взамен голубой дракон пообещал разобраться со своим алым братцем и впредь хранить поднебесную от всех летающих, ходящих и прочих чудищ.

Я не найду достаточно красочных слов, господин Диего, чтоб описать тебе достоверно схватку двух драконов. Реки обращались в пар от их дыхания, скалы рассыпались в щебень при столкновении их крыльев, но рано или поздно, а голубой дракон победил: алый уполз куда-то навсегда зализывать

кровоточащие раны. И каждый год старый император, а затем и сын его, и внук его устраивает по всей стране празднество, на котором соревнуются самые ловкие и самые умелые за право отправиться слугою в царство голубого дракона. Все пытаются добиться этой великой чести – служить крылатому господину, другу императора, ведь жить у него в услужении так хорошо, что никто не хочет вернуться домой к родителям!

Диего так заслушался, что чуть не пропустил время, когда жемчужина начала голубеть. Спихватившись, он наскоро извинился и прошептал заклинание, возвращающее его домой.

3.

– Привет, Мэй Гуанг!

Как ты там поживаешь в своей фарфоровой стране?

Прости, что я пропустил целых два полнолуния: первое отменила дождливая погода, ведь без луны жемчужина не работает. А второе я просто проспал: слишком много уроков нам задавали.

У меня новость: нашлась моя мама. Когда я сегодня заполз в сарай, где стоит шкатулка с волшебной жемчужиной, то увидел там худую чужую женщину. Я её не узнал, но она узнала меня. Мама долго плакала, вспоминая, каким я был маленьким. Противный Хуан был прав: мама работала на шахтах, но не выдержала и убежала. А теперь мама прячется у нас в сарайчике и боится навлечь беду на нас всех, если её найдут. Я обещал ей, что никому не расскажу о ней, даже Джуди. А мама никому не расскажет о моей жемчужине, в которую она, кажется, не верит. Но всё это страшно и непонятно. Ведь наш правитель очень добр и справедлив, а мама и папа всегда верили нашему правителю, и даже боролись за его власть. Как же они угодили на шахту? Всё это очень странно и совсем не укладывается в голове...

Диего вздохнул. Ему было немного неприятно делиться подобными новостями со своей нарисованной подружкой. Одно дело – мама героически ищет драгоценные нужные стране металлы где-то на севере, и совсем другое дело, когда мама – преступница, сосланная на шахты для перевоспитания. Мало того, она – удравшая преступница, забившаяся в сарай, как трусливая мышь! Наверное, бабушка и дедушка совсем не обрадовались, когда её увидели: ведь деда могут прогнать с работы за то, что он прячет преступницу! Но не могут же они её прогнать: его мама – их родная дочка! И где она ещё может спрятаться? Даже если её переодеть, все сразу поймут, что с нею случилось что-то не то: лицо какое-то худое, нос торчит, как у вороны, кожа – жёлто-серая, и ни за что в ней красивую маму с фотографии не узнаешь!

Мэй Гуанг и её мама вновь ждали Ди у беседки, как и в прошлый раз. Но госпожа Аи Бию казалась очень озабоченной и, велев дочери угостить гостя чаем, тут же убежала по своим делам.

– Моя сестра избрана для службы господину Голубому Дракону, – объяснила мальчику Мэй Гуанг, наливая ему чай, – Это великая честь для семьи и огромная радость для каждого из нас.

– Почему же тогда госпожа Аи Бию не выглядит счастливой и радостной, – удивился мальчик. – Да и ты, похоже, заплаканна.

– Моя сестра избрана, но она с детства росла с молодым господином Си Хуанем и предназначалась ему в жёны. Они давно полюбили друг друга. Но господин Си Хуань, увы, не избран для служения голубому дракону, и моей сестре придётся поехать на службу к дракону одной, без него. И хоть это – высочайшая честь, и с ней бы охотно поменялась любая девушка в нашем селении, моя сестра – несчастна. Она плачет уже неделю, не прерываясь ни на сон, ни на еду, и, попав на службу к господину Голубому Дракону, будет выглядеть очень плохо. А мне придётся выйти замуж за молодого господина Си Хуаня, которого я уважаю, но не люблю. Я бы охотно поменялась с сестрой судьбой, но списки составляют советники самого императора. Мою смиренную просьбу поменяться с сестрой местами, они сочтут за оскорбление не только императора, но и самого Голубого Дракона. Ах, если бы я смогла добраться до господина Голубого Дракона и сама попросить его о замене моей старшей сестры на меня! Голубой Дракон – благороден и добр, он бы сам велел императору произвести эту замену!

– Дракон понимает твой язык? – осторожно поинтересовался Диего у своей новой подруги, – Он и вправду такой добрый и благородный?

– Конечно, понимает! – изумилась Мэй Гуанг, – Как бы он иначе договаривался с нашим императором? И как бы он повелевал слугами, которых к нему так часто посылают! Послушай, иноземец! – снизила девочка свой звонкий голосок до шепота, – я решила сама отправиться к господину Голубому Дракону и просить его за сестру. У меня есть ещё несколько месяцев, пока мою сестру будут обучать тому, как служить огнедышащему крылатому господину. Я найду дорогу! Но одной идти к Голубому дракону страшновато. Может, ты проводишь меня?

Диего молча кивнул. Ему, по правде говоря, хотелось посоветоваться с мамой или, на худой конец, с Джуди, и смутно не нравился замысел Мэй Гуанг. Но не отправлять же девочку одну в такое тяжёлое путешествие!

4.

– Привет, Мэй Гуанг!

Как ты там поживаешь в своей фарфоровой стране? Ты нашла уже информацию о дороге к дракону?

У нас тут не очень весёлые новости. Недавно полиция арестовала Джуди и её бабушку. Люди говорят, что их сошлют на шахты, в пунцовые горы. Но что на шахтах будут делать бессильная старуха и девочка? А ещё до того своего ареста Джуди говорила, что полиция сейчас хватает всех подозрительных ей людей почти без разбора и тут же ссылает на шахты без суда и следствия, а я с нею спорил. Дедушка и бабушка от волнения и страха похудели, но куда перепрятать нашу маму они, наверное, не знают. Я часто забираюсь в сарай, чтоб побеседовать с мамой. Она мне не поверила, что Голубой дракон – добрый и благородный. Мама говорит, что драконы добрыми не бывают, но сразу их драконью сущность ни за что не распознаешь: ведь поначалу и мама, и папа верили нашему правителю, а он оказался драконом. Мама написала письмо к правителю. Она просила помиловать папу. Её за это забрали в шахту. Мама говорит, что драконов нельзя ни о чём просить. Но я непременно провожу тебя к твоему голубому дракону, хотя, по-моему, лучше к дракону вообще не идти, а сбежать всей вашей семьёй вместе с женихом сестры куда-нибудь из Китая. Но решать, как поступить, конечно, тебе.

37

Последнее путешествие Диего в его фарфоровую страну было тяжёлым и не сказочным. Дорога к дракону вела через выжженную пустыню. Они шли и шли по чёрному безжизненному песку, порою переходившему в крупную ноздреватую гальку, которая резала им ноги даже сквозь обувь. Они перелезали через огромные чёрные валуны, пахнущие серой, и Диего всё это мало нравилось. Наконец-то, они добрались до подножия гор, и Мэй Гуанг указала на огромный коридор, ведущий куда-то вглубь горы.

– Их привозят на украшенных повозках к этому коридору, – тихо прошептала она мальчику на ухо, – а потом они сами идут навстречу господину Голубому Дракону. Голубой Дракон уже сам разводит слуг по роскошным комнатам в глубине горы. Ты пойдёшь со мной во внутрь, или подождёшь меня тут, у входа?

Диего судорожно выдохнул: «С тобой» и медленно зашёл в чёрный неприветливый туннель. Дети довольно долго пробирались почти в полной темноте, вдыхая промозглый, вонючий воздух, пока не оказались в просторной пещере. Потолка в этой пещере не было, сверху зияло синевой открытое небо, а солнечный свет безжалостно высветил всё вокруг. Пол пещеры был завален человеческими костями и черепами; одни кости были

дочерна обуглены, на других болтались ошмётки недоеденного человеческого мяса. Ошмётки эти полусгнили, и поэтому из пещеры никогда не выветривался тошнотворный трупный запах.

– Это ожерелье прекрасной госпожи Минчжу Синхуа! – воскликнула Мэй Гуанг, указывая на какие-то потускневшие бусы на груди обугленных костей, – госпожу Минчжу Синхуа избрали для служения Голубому Дракону три года тому назад!

– Пошли отсюда, – прошептал в ответ ей Диего с ужасом, – Пошли отсюда, пока не поздно!

Но было уже поздно. На фоне синего неба появилась огромная драконья голова. Стекланные бездумные глаза чудовища равнодушно скользнули по детям, зубастая пасть приоткрылась. Диего в ужасе схватил Мэй Гуанг за руку и, сжимая другой жемчужину, отчаянно зашептал заклинание. В это мгновение дракон выдохнул на них сноп пламени. По синему небу поползли зловещие чёрные трещины, и оно посыпалось вниз обломками голубого фарфора.

– Чего ты возишься с этим гнусным отродьем? – услышал мальчик грубый голос и, преодолевая острую головную боль, с трудом открыл глаза. Его тормошил полицейский, сбросивший его с дивана. Другой полицейский, ловко орудуя дубинкой, разбил дорогую вазу с голубым драконом и примеривался к вазе с нарисованной девочкой. Диего показалось, что глаза его китайской подружки расширились от страха, но тут раздался спокойный голос бабушки:

– Эта ваза, дуралей, стоит дороже, чем весь этот дом, со всеми его прибабасами. Если ты её разобьёшь, тебе здорово нагорит от твоего начальства!

– За вазу, может, и нагорит, а за старую вешалку – вряд ли! – свирепо отозвался полицейский, и подойдя к бестрепетно глядевшей на него старухе, ударил её той же дубинкой по голове. Бабушка упала. Дед встрепенулся, вскрикнул и кинулся, было, ей на помощь. Но сотоварищи мерзавца, подхватив старика под руки, потащили его со внуком во двор и запихнули в чёрную тюремную машину. В машине их ждала уже закованная в кандалы мама Диего.

– Драконы не бывают ни добрыми, ни милосердными... Драконов нельзя ни о чём просить, – без остановки бормотала она, не узнавая ни отца, ни сына, – Драконы не бывают ни добрыми, ни милосердными...

Земля – Орион. Конкурс рассказов «Шляпа»

Из волшебной шляпы

Джон Маверик

Семь лет назад я побывал в этом маленьком курортном городе на морском побережье. А может, и не в этом, не могу точно сказать. Все маленькие приморские городки похожи друг на друга, как орешки с одного куста. Парочка уютных пляжей с шезлонгами и зонтиками, и обязательно – вышкой спасателей. Один – дикий, живописный, но без вышки, и купаются там на свой страх и риск, а лежат на расстеленных полотенцах. Длинная променада, где по вечерам собираются торговцы всякой всячиной и расставляют вдоль всей длинной пешеходной улицы лотки с дешевой бижутерией, ракушками, магнитиками на холодильник и прочими сувенирами. Вероятно, один или два парка – экзотических и цветущих. Бассейны, рестораны и много отелей – фешенебельных и попроще, дома местных жителей и домики на съем.

В общем, городок был самый обыкновенный, не хуже и не лучше других. Но одно мне запомнилось надолго – это представление уличного фокусника. Собственно, и уличные артисты в курортных местах не редкость. Но этот показывал нечто совершенно чудесное, такое, что я ни за что не поверил бы, если бы не увидел все собственными глазами. Молодой улыбчивый парень выступал в городском парке под цветущей южной акацией, а значит, стояла середина лета. Природа отдыхала от дневной жары. Крону высокого дерева с бело-розовыми, словно шелковыми цветами пронизывал желтый свет фонаря, стоящего чуть ли не вплотную к стволу. Вокруг фокусника собралась небольшая толпа отдыхающих, и чем дальше разворачивался удивительный спектакль, тем больше подходило людей.

Из мятой фетровой шляпы парень извлек сперва разноцветный платок и, взмахнув им в воздухе, показал его нам со всех сторон – тонкий, прозрачный, переливчато-золотой, как стрекозиное крыло. Потом швырнул его себе под ноги. И вот уже, словно вырастая из земли, поднялась красавица – в такой же переливчатой юбке, черноволосая и темноглазая, слегка похожая на цыганку. Улыбнулась белозубо – и встала рядом с парнем, обняв его за плечи гибкой рукой. А тот показал зрителям шляпу – пустая, конечно, обычный трюк всех в мире фокусников – и вытянул из нее атласный бело-голубой шарфик. Взмахнул, бросил – и с сухой гравийной дорожки легко вскочила девочка лет пяти в короткой синей юбочке и матроске. Прошла кругом, пританцовывая под веселую музыку, лившуюся из магнитофона, а тем временем артист достал из фетровой шляпы одну за другой сперва длинную собачку – вероятно, щенка таксы – а за ней и белоснежную персидскую кошку с небесными глазами.

И тут началась какая-то радостная суматоха. Малышка и щенок носились друг за другом, прыгая и хохоча, и кувыркались через голову, как настоящие

циркачи. Точнее, хохотала девочка, а такса звонко – и чуточку визгливо – лаяла. Ее громкое «гав», как звон серебряного колокольчика, разносилось по притихшему в изумлении парку.

Но это все я видел уже на краю зрения, потому что смотрел только на девушку. Вся словно сотканная из света, цветов и волшебных южных звезд, она казалась райской птицей, каким-то чудом слетевшей с небес на грешную землю. Персидская кошка терлась у ее ног, энергично бодая их головой и слегка приподнимая при этом край шелковой разноцветной юбки. Как я завидовал глупому животному! В конце концов, красавица рассмеялась и, быстро переглянувшись с фокусником, взяла кошку на руки.

«Счастливые», – думал я, глядя на эту маленькую семью. Наверное, семью... Кем приходились друг другу эти люди я мог только догадываться.

Деньги лились в тот вечер золотой рекой – не только мелочь, но и довольно крупные купюры. И я тоже, вывернув карманы, отдал артистам все, что имел с собой – и этого казалось мало за созерцание истинной красоты. Впрочем, и само зрелище меня позабавило. Но и озадачило тоже.

Вы скажете, возможно, ну, и что, обыкновенный цирковой номер. Вот только дело происходило не в цирке с его хитро устроенной ареной, системой зеркал и призм, и всяческих механизмов. У фокусника за спиной были только дерево, фонарь и скамейка, а из реквизита – ничего, кроме старой фетровой шляпы. Я слышал, как зрители шептались, называя его «магом» и «волшебником».

40

Позже я спрашивал о нем в городе, но местные жители смогли мне сказать только, что парень с женой и дочкой гастролирует летом, в туристический сезон, вдоль всего побережья. Откуда он сам родом, никто не имел ни малейшего понятия. Звали его странной кличкой Мяу-мяу, наверное, из-за персидской кошки, а настоящего имени никто не знал.

«А жену как зовут? Эту восточную красавицу?» – интересовался я. Но люди пожимали плечами. «Мяу-мяу и его команда. Так мы их называем. Они необщительны. Ни с кем почти не разговаривают, ни женщина, ни ребенок. После представления сразу садятся в машину и уезжают. Все трое или, если хотите, пятеро, считая зверей. А до – их никто ни разу не видел. Мяу-мяу ходит по городу один».

Так я ничего от них и не добился, и постепенно история не то чтобы забылась, но померкла в памяти, отошла на второй план. И вот, спустя семь лет, я снова встретил его в том же самом парке. А может, и в другом. Южные парки похожи, как и курортные городки, не отличить, тем более – через годы, когда смутно вспоминаешь желтые фонари, посыпанные мелким гравием тропинки, свежий, пахнущий морем воздух и свет огромной серебряной луны, просеянный сквозь листву и цветы. Но был конец сезона, середина октября, и, вероятно, поэтому Мяу-мяу сидел один на узком парапете, а редкие отдыхающие шли мимо, не останавливаясь. Изредка кто-то задерживал на нем любопытный взгляд, усмехался или качал головой, и продолжал свой путь.

Я с трудом его узнал. Улыбчивый парень превратился в исхудавшего, сломленного жизнью человека. Даже виски его, кажется, поседели. Впрочем, возможно, их окрашивало бледное лунное сияние. И сам фокусник точно согнулся, съежился, спрятался в тень... Но фокусов он не показывал, а играл на дудочке, тихо, будто самому себе. И под едва слышную мелодию танцевала собачка. Но другая, не такса, а белый карликовый пуделек. Тут же, на парапете, лежала уже знакомая мне старая фетровая шляпа.

Собачка, кстати, танцевала хорошо. Поднималась на задние лапы, кружилась на месте, забавно подпрыгивала. Наверное, на дрессировку ушло много времени, если только пудель не был сообразительным от природы.

Я остановился и долго на них смотрел, сам не зная, чего жду. Ведь понимал – чуда не будет, и этот сгорбленный, погруженный в глубокую печаль мужчина не встрепенется, не вскочит молодо на ноги и не примется доставать из старой шляпы разноцветные платки, не встанут с земли красавица-цыганка и девочка в матроске... Хотя малышка, наверное, уже выросла. Сколько лет ей сейчас? Или волшебные девочки не растут?

Все эти мысли стремительно промелькнули в моей голове. Мяу-мяу со вздохом отложил дудочку и, похлопав ладонью по колену, позвал пуделька. Проглотив положенное угощение, собачка растянулась под кустом и, кажется, задремала.

Мяу-мяу поднял на меня глаза.

– Вам понравилось?

– Очень, – ответил я искренне и протянул ему смятую купюру. – Просто чудеса дрессуры!

Он спрятал деньги в карман и покачал головой.

– Разве это чудеса.

– Да, – согласился я, присаживаясь рядом с ним на парапет. – Раньше было по-другому. Я смотрел ваше выступление семь лет назад. Это была настоящая магия!

Мяу-мяу грустно улыбнулся.

– Вы правы.

– И что же случилось с... чудесами?

Я не хотел делать ему больно, но, видимо, все-таки сделал. Потому что улыбка на его лице увяла, превратившись в болезненную гримасу.

– Айши и Таи больше нет.

– О, простите! Соболезную... – выдавил я из себя.

– Нет, они не умерли. Их просто нет... нигде, – Мяу-мяу беспомощно развел руками и почему-то покосился на лежащую рядом шляпу.

– Понимаю, – сказал я, хотя совсем ничего не понимал.

– Вы просто не знаете, – слегка замялся мой собеседник. – Я сейчас расскажу вам. Все, как есть, по порядку. Если хотите, конечно, и не слишком торопитесь. Лично мне спешить некуда.

Я почувствовал, что ему нужно выговориться, и приготовился слушать. Мяу-мяу вздохнул, и глядя куда-то в пространство, в темную мешанину кустов, начал рассказывать.

– Эту старую шляпу я получил от своего отца. Береги ее, сказал он мне. Она волшебная. Передается в нашей семье из поколения в поколение, а дал ее одному из наших предков настоящий колдун. Ты можешь извлечь из нее какое угодно чудо – все, чего только пожелает твоя душа. Она полна счастья, эта фетровая шляпа. Но помни, она не бездонна. Любое, даже самое полноводное озеро, можно вычерпать досуха и остаться с пустыми руками, – он снова тяжело вздохнул. – А я его не послушал.

Он горько усмехнулся и замолчал надолго, кусая губы. Я беспокойно пошевелился.

– Не послушали?

– Да, простите. Задумался. Тяжело вспоминать... Так вот, на другой же день я извлек из шляпы щенка Рони. Веселого, забавного, преданного. И вдоволь с ним наигрался. В хорошем смысле, разумеется. Я люблю животных и никогда их не обижаю. Вслед за ним – Принцессу. Я говорю о кошке... А уже потом свое самое большое чудо – Айшу. Вы ее, конечно, видели. Красавица, каких не бывает на Земле. А уж какая умная, нежная, любящая... Мы были безумно, невероятно счастливы! Я носил ее на руках, свою драгоценную... пылинки сдувал, как ни банально это звучит. И светился, наверное, ярче солнца, и она тоже – столько в нас тогда было радости, любви, желания жить! Через перу лет нам захотелось большего. И появилась Тая... Из той же, из волшебной шляпы.

Я невольно хмыкнул, и Мяу-мяу, вздрогнув, уставился на меня черными от изумления глазами.

– Что?

– Нет-нет, ничего.

– Я работал в то время на мебельном складе... – продолжал он. – Впрочем, это неважно. Но на жену и ребенка нужно много денег. А еще, мы хотели иметь свой дом. Хотя бы маленький – только для нас троих. И небольшой садик. Пара-тройка яблонь, какие-нибудь ягодные кусты... Свежие фрукты для дочки. Немного покоя и уюта для себя, – Мяу-мяу слегка улыбнулся, и его глаза снова прояснились. Как облака,плыли в них давние мечты. – Вот тогда мы и придумали тот фокус. Перед выступлением Айша и Тая, и с ними наши звери, прятались в волшебную шляпу. Не спрашивайте меня – как. Я не знаю. Это был их маленький секрет. Но в ней как будто появлялось этакое тонкое сияние, как серебряные паутинки в капельках росы... Не умею объяснить. Его никто и не замечал, кроме меня. Ведь зрители ожидали увидеть – а вернее, не увидеть – нечто материальное. А потом, во время представления, мои любимые как бы заново рождались... Да, представьте себе. Я снова и снова заставлял их переживать собственное рождение. И не спрашивал, а не больно ли это...

– Но они же сами... – попытался я возразить.

Мяу-мяу махнул рукой.

– Я же сказал, мы очень любили друг друга. Айша на все была готова ради меня. Мы стали разъезжать по разным городам. Выступали то там, то здесь, с одной и той же программой. Люди жадны до чудес... Я бросил работу. Денег хватало, и еще оставалось. Мы откладывали лишнее на счет, и мечтали, как накопим нужную сумму, даже присматривали домик, спорили о том, что посадим в саду, какие обои наклеим в гостиной, в детской... Но Айша все чаще жаловалась на усталость. И беспокоилась о том, что Тая не видит других детей, что ей не с кем играть. Мы загубим ребенка, все чаще говорила она. Я уговаривал свою любимую еще немного потерпеть... А потом все кончилось.

– Как? – спросил я с любопытством.

– Они, как обычно, спрятались перед выступлением – и больше не родились. Вы, наверное, помните, как я собирал деньги? Обходил зрителей со шляпой. Я кивнул.

– Конечно.

– Но я никогда этого не делал, пока моя семья находилась в ней. Пожалуй, боялся... хотя и не отдавал себе в этом отчета. А в тот последний раз я расположился на скамейке. Шляпа с Айшей и Таей внутри лежала тут же, у моих ног. И какая-то сердобольная старушка, очевидно, приняла меня за нищего... бросила монетку. И – все. Сияние померкло. А чуда больше не случилось. И теперь... – он помотал головой, – я не знаю, где они... просто исчезли. Обратились в ничто. Наверное, и монетка тут ни при чем. Я просто вычерпал свое счастье до дна. А ведь отец меня предупреждал... Конечно, я мог бы заняться чем-то другим, возможно, чему-нибудь выучиться. Найти нормальную работу. Мне и так приходится подрабатывать то там, то тут – вы же видели, зрителей почти нет. Денег мало. Никому мы с Тоби не интересны... Но ведь это значило бы расстаться с последней надеждой... Что когда-нибудь... Мяу-мяу замолчал и отвернулся от меня. Возможно, боролся со слезами. Я не видел его лица.

– А вы никогда не думали, – сказал я, сам не понимая зачем, – что они просто ушли? Без всякого колдовства. Айша взяла дочку, кошку и собаку, села на поезд – и уехала...

– Куда они могли уехать? – переспросил он с изумлением.

– Не знаю, – я махнул рукой. – Мир велик.

– Нет-нет, – заволновался Мяу-мяу. – Не могла она так со мной поступить!

– Ну, вам виднее.

Я не стал с ним спорить. Но, уходя, все-таки заглянул в старую фетровую шляпу. Не притаилось ли там и для меня какое-нибудь чудо. Но она, конечно, оказалась пуста.

Земля – Орион. Конкурс рассказов «Приключения»

Приключение местного значения

Елена Картунова

– Яся, ты что такая понурая? – раздался из-за ближайших кустов шепелявый голос лешего Грибана, проводящего ежедневную проверку своего участка леса. У леших забот много – где ветку надломленную подлечить, где траву примятую расправить, молодняк народившийся пересчитать да проследить, чтобы малыши из гнёзд не выпадали, от нор далеко не убегали. Ещё и людей надо выпроваживать из мест заповедных, чтоб не нарушали установленного порядка. А заметить лешего даже Яге не всегда удаётся.

– Да вот новость обдумываю, – разглядев соседа, буркнула она.

– Плохую? – встревожился Грибан, с трудом распрямляясь.

– Ещё не знаю... Сообщение пришло из Средиземья. Короче, к нам гости скоро заявятся... эльфы с гоблинами.

– Да ты что?! – удивился Грибан. – И чего они здесь не видели?

– Вот и я о том же. Природа практически такая же... Я понимаю, если бы по какому-то делу, что-то обмозговать, чем-то новеньким поделиться. А то экскурсия! Заняться больше нечем, только экскурсии водить.

44

– Ох, неспроста всё это, – предположил подозрительный леший, стряхивая с головы веточки и травинки. – Поди спереть чего-то хотят.

– Может, и так, – согласилась Яга. – Только знать бы что?

– Да ладно вам! – внезапно вмешался, выросший, словно из-под земли, молодой леший Лёха. – Гости – это весело. Кто там будет? – девочки-мальчики или постарше?

– Увидим, – проворчала Яга. – Дел невпроворот, а тут гости... Кто экскурсии водить будет?

– Могу и я, – разулыбался жизнерадостный Лёха.

– Ну что ж... води, – махнула рукой ведьма, а Грибан добавил:

– Остальные присматривать за пришлыми станут, особенно за гоблинами. Ушлые они, нахальные. Помню, в междумирье встречался ними. Жуть, как не понравились!.. А когда гостей ждать-то?

– С новой луной явятся.

– Значит... послезавтра, – задумчиво проговорил Грибан, аккуратно вытаскивая из бороды запутавшегося жучка.

– Вечером соберёмся, обсудим всё, – сказала Яга и углубилась в лес, где она недавно обнаружила удивительное растение ярко-синего цвета, с удлинёнными, окантованными розовой бахромой листьями, по которым разбегались светло-голубые прожилки. Срывать эту невидаль для

исследований, конечно же, неправильно... надо вживую всё изучать, в естественной среде. И своего «красавчика», от посторонних взглядов, на всякий случай, Яга огородила куполом непроходимого морока. Даже лешаки о её находке пока ещё ничего не знали.

И вот, дойдя до заветного места, Яга убрала защиту и какое-то время рассматривала незнакомца, который с момента встречи слегка увеличился в размерах. Ведьма провела измерения, сорвала небольшой листик и вернулась домой.

Вечером лесные жители, свободные от текущих дел, собрались обсудить прибытие гостей. Лёха, как и пожелал, получил полномочия экскурсовода. Остальные лешаки взяли роли тайных наблюдателей. Кикиморам было велено вести себя смирно, не завлекать гостей в болота. Русалкам – не особо шкродничать, не морочить ни эльфов, ни гоблинов (междумирного скандала ещё не хватало), но глаз не спускать с каждого, кто появится в поле зрения. Мысль о том, что визит неспроста, как летящий с горы снежный ком, становилась всё весомей и убедительней.

В назначенное время из открывшегося портала вышла компания из четырёх молоденьких эльфиек, двух парнишек-эльфов и пятерых гоблинов неопределённого возраста. Лешаки с интересом уставились на симпатичных визитёрш, а кикиморы – на светловолосых юношей.

– Как бы головы наш народ не потерял, – шепнул Грибан Яге. – Я думаю, смазливеньких заслали для отводу глаз. А дела творить гоблины будут. Яга пожала плечами и приступила к знакомству всех со всеми. Закон гостеприимства требовал быть дружелюбными и приветливыми. И ведьма после ритуала приветствий от имени всей лесной братии пригласила гостей на ужин.

Стол накрыли в знаменитом кощевом концертном зале, изюминкой которого был орган, подаренный Ягой.

Пространство здесь могло расширяться до любых пределов – уж таковы сказочные реалии.

Гостей усадили, накормили и принялись развлекать. Кощей исполнил на органе недавно сочинённую «Летнюю сонату». Потом спели русалки, затем эльфийки и, наконец – все вместе.

В итоге хозяева расслабились – гости как гости, общительные, с юмором, особенно гоблины, которые так и сыпали байками да анекдотами.

Разошлись за полночь. Гостей отвели в заранее сооружённые для них шалаши. Эльфийки, правда, скривились – привыкли жить в удобных домах на деревьях. Пришлось Яге удовлетворить капризы девиц из Средиземья, частично израсходовав неприкосновенный запас магии, чтобы организовать и туалетную, и душевую, и зеркала, и удобные кровати.

На утро запланировали первую экскурсию под предводительством Лёхи, который не успокоился, пока Яга не привела в порядок его шевелюру и бороду.

Но с началом дня начались и проблемы. Гоблины так и не вышли из своих шалашей – спали. По словам эльфов, их попутчики предпочитают тёмное время суток. Вот они потихоньку, самостоятельно и отправились на прогулку ночью, а вернулись только перед рассветом. Яга кивнула, соглашаясь.

Но как только эльфы с Лёхой скрылись из виду, ведьма начала экстренное совещание в своей избе. Параллельно с этим выслушивались донесения от сов и прочих любителей бодрствовать по ночам. Оказывается, гоблинов кто-то видел, кто-то нет. Они в разных местах то внезапно появлялись, то так же неожиданно исчезали.

– Баюн! А где был ты? – сердито проговорила Яга.

– Спал, – невозмутимо ответил кот. – Я весь день Мышку тренировал.

– Мышка?! А это ещё кто? – удивился только что прибывший Кощей.

– Да это... типа дочки шляпы моей... ну... которую ведьма чужеземная подарила, – сбивчиво начала объяснять Яга.

– Не понял, – хмыкнул Кощей. – У них что, шляпы рожают?

– Да не рожают! Почкуются они... но редко, – начала раздражаться ведьма. – Вот наш учёный и взялся за воспитание этого отпечкованного чуда... Ну не до шляп нам сейчас, Костик! Меня волнует, куда гоблины ходили и каким образом исчезают? Сквозь землю, что ли проваливаются?

– Вот именно! – проговорил кот. – Они ж подземные жители. Туннели роют получше кротов...

– Ещё и морок, наверно, используют, – предположил Кощей.

– Или и то, и другое, – отозвался из магического зеркала Горыныч (он лишней раз в лес не очень любил прилетать по причине недостатка места, да и пожар устроить ненароком можно... поэтому чаще пребывал на удалёнке...)

– Ладно... война план покажет, – проговорила ведьма и отпустила присутствующих. А сама отправилась навестить подопечное растение. Дойдя до нужного места, Яга сняла защитный купол и оторопела – «красавчика» на месте не было.

«Похитили... Гоблины?! Супостаты! Ну, я им!..» И ведьма почти бегом ринулась домой, чтобы обсудить пропажу с котом, чей аналитический ум её не раз выручал.

- Но ещё издали почувствовала, что Баюн не в себе. Даже – вне себя
- Мышка! Моя Мышка пропала! – повторял он, не прекращая обшаривать закоулки вокруг избы.
 - И у тебя пропажа, – сердито проговорила ведьма, устало опускаясь на крыльцо. – У меня «красавчик», у тебя – шляпа. Не много ли пропаж в один день?..
 - Многовато, – хрипло ответил кот, продолжая растерянно озираться.
 - И что ты об этом думаешь?
 - Думаю... что надо подумать, – вздохнул он, усаживаясь рядом с Ягой. – Но кончиком хвоста чувую, что не гости сотворили это... Я бы, если б хотел... стащил нужное перед самым отбытием, на прощание, так сказать. Труднее было бы поймать.
 - Резонно, – согласилась Яга. – Может, кто-то хочет нас со Средиземьем поссорить?
 - Может... Но кто?.. У нас враги есть?

 - Хозяйка! – вдруг раздался скрипучий голос, выходящего из-за избы гоблина.
 - Можешь полечить? Ноги болят. Уснуть не могу.
 - На погоду, наверно, – откликнулась ведьма, сверля гостя глазами.
 - Нет, не на погоду. Это мы с ребятами ночью находились.
 - А что не спится-то ночами? – поинтересовалась Яга, одновременно ощупывая тощие конечности гоблина.
 - Что-что... образ жизни такой, привычка... Ой! Ай!
 - Ага, понятно. Сейчас мазь дам... Так что интересного в`ыходили этой ночью?
 - Да ничего особенного. Только странность одну обнаружили.
 - Какую? – насторожилась Яга.
 - Наткнулись непонятно на что. И оно не пускало нас. Решили под землёй пройти, а там корни землеблуда.
 - Кого-кого? – переспросил Баюн.
 - Да, злая трава такая, синего цвета. Она может долго под землёй бродить, а потом где-нибудь вылезти. Ну мы её и ликвидировали. Хорошо, что вовремя – цвести ещё не начала. У Яги от услышанного аж в голове зашумело.

 - Что?! Ликвидировали?! Зачем? И откуда ты всё это знаешь?! – возмутилась она.
 - Хозяйка, я хорошо землеблуда знаю. Однажды один непутёвый хоббит росточек такой травки притащил из соседнего мира. Посадил возле дома. А эта дрянь, когда повзрослела, начала жизнь пить у всех, кто рядом. Когда он её вырвать захотел, ушла под землю – искать, где безопаснее и посытнее. Пришлось нам её под землёй выслеживать. Нашли, убили. Но семечки она успела рассеять.

Яга пришла в замешательство и мысленно костерила себя за неосмотрительность.

– Силы лесные! Значит, травка нездешняя... По описанию – типичный паразит или хищник... Или сошла с ума в чуждой обстановке.

– Да кто её знает... Главное, что она опасная, – ответил гоблин.

Так тебя можно назвать спасителем?! – проговорила ведьма, натирая гоблину больные суставы и шепча заговор.

– Даже не знаю, что сказать. Может, и так, – вздохнул гость хмуро. Но через мгновение с облегчением улыбнулся, поблагодарил ведьму и ушёл в свой шалаш.

– Ну вот... с одной пропажей прояснилось, – сказала Яга. – А жаль... красивым был этот землеблуд. Если вдруг появится снова, я его изолирую со всех сторон, даже под землёй. Надо же изучить! Вдруг его приручить можно, воспитать... Ну да ладно. Теперь остаётся Мышку твою найти... норушку.

– Нору-ушку... Издеваешься? – обиделся кот.

– Ну имя ж такое... забавное, – усмехнулась Яга. Пойдём-ка лучше, посмотрим, вернулись ли другие гости из похода.

Не успела она произнести эти слова, как на приизбушечную поляну вышел Лёха с эльфами. А на одной из эльфийек красовалась потерянная шляпа. Кот сердито выгнулся. И пока группа приближалась, его глаза полыхали то радостью, то гневом.

– Ты где шляпу взяла? – с трудом сдерживаясь от рычания, прошипел он, подскочив к эльфийке.

– Нашла, – ответила та с очаровательной улыбкой. – Шляпа в кустах лежала. Все, включая Лёху, подтвердили сказанное.

– Как в кустах?.. Почему? – растерялся Баюн.

– Сейчас спрошу, – проворковала гостя и тут же сообщила, что шляпу ветром унесло. Баюн вытаращился.

– Что?.. Мышка с тобой говорит?! Быть такого не может!

– К тому же ей не нравится, что ты её Мышкой называешь, – добавила гостя.

– Не нравится? А почему мне не сказала? – пробормотал кот. – Мышка, иди ко мне, мы другое имя тебе придумаем.

Эльфийка только собралась снять шляпу, как тут же опустила руки и смущённо произнесла:

– Она... не хочет. Говорит, я ей больше... нравлюсь.

– Мышка! – только и пролепетал кот, чуть не со слезами на глазах.

Предательство трудно пережить. Если кто сталкивался, знает...

– Да не переживай ты так. У нас же есть старая шляпа, – участливо проговорила Яга, поглаживая несчастного по голове. – К тому я же говорила... вещи сами себе хозяев выбирают.

И ведьма, чтобы сменить тему, поинтересовалась у эльфов о впечатлениях от первой прогулки. Те наперебой, стали рассказывать обо всём, что увидели.

На следующий день Яга катала гостей в ступе. Потом их познакомили с водяным и прилетевшим Горынычем. А ещё через день, ближе к вечеру, средиземцы засобирались домой.

– Теперь вы – к нам, – проговорил один из эльфов. – У нас тоже есть, что посмотреть.

– Да-да! – подтвердили остальные. – Интересного много.

На том и расстались.

– Надо же! Ничего не стырили, – констатировал, то ли радостно, то ли разочарованно, Грибан, когда портал закрылся.

– А ты бы стырил? – отозвалась Яга.

– Я бы? – нет.

– А я бы стырил, – признался Лёха. Но поймав на себе недоумённые взгляды окружающих, особенно, леших, добавил, – да ладно вам... росточек какой-нибудь... деревце, цветочек... для разведения.

– Вот от таких тырщиков и беды потом, – нахмурилась Яга, поведав историю, рассказанную гоблином и то, что произошло с её находкой. – Помните, каждое существо должно обитать, там, где родились, потому как в чужих краях все места заняты. Поэтому приходится сражаться за выживание и вредить местным. Вот так...

Слушатели согласились.

– Ну что? По домам? – добавила она. – И вот ещё что... вы там порешайте между делом, кто в Средиземье отправится на экскурсию.

Кикиморы и русалки в ответ захлопали в ладоши.

А ночью Яге не спалось – нахлынули воспоминания, где она – юная и счастливая, а рядом – Айнес, эльф из Средиземья... Как же давно это было...

Земля – Орион. Конкурс рассказов «Привязанность»

Дом... мой дом...

Джон Маверик

Сейчас я, наверное, скажу самую банальную вещь на свете: человеку необходимо, чтобы его кто-то любил. Это такая же потребность, как еда или вода, только без первых погибает тело, а без любви – душа. Вы, конечно, видели таких людей с пустотой в глазах. Впрочем, речь не о них. Я хочу рассказать вам самую странную из всех историй любви, случившихся когда-либо со мной. Однажды меня любил дом... Мой дом.

То был год, когда я зализывал сердечные раны. От меня ушла Аня. Неожиданно, без истерик и ссор, не оставив даже записки. Еще вчера все было хорошо – ни облачка на горизонте – мы смеялись и шутили, гуляя рука об руку по набережной, а после – сидели в летнем кафе под разноцветными зонтиками, и небо, такое огромное, распускалось в ее глазах огненными цветами солнца. Вечером в четыре руки приготовили прекрасный ужин на двоих. Я тогда еще не понимал, что он – прощальный. А утром из шкафа исчезли все ее вещи, а из ванной зубная щетка, тюбики с кремами, флакончики с лосьонами и прочие женские штучки. Остался только большой букет красных пионов на столе в гостиной, подаренный мной накануне. Их опавшие лепестки я, sentimentalный дурак, засушил потом между страниц «Войны миров» Уэллса.

Знаете, как это бывает, когда чудесная музыка обрывается на полутакте? В голове остаётся хрустальный звон, странная боль и тягостное недоумение.

Что я сделал не так? Что случилось?

Я пытался дозвониться до Ани, но она не отвечала. Потом и вовсе отключила телефон. Я метался по городу, выслеживал свою любимую, даже поехал в деревню к её родителям. Но она будто канула в воду, исчезла – растворилась в золотом мареве погожих летних дней, в шорохе чахлах городских лип, в пыли и ветре.

Я неделями не мог нормально ни есть, ни спать. Глушил тревогу лихорадочной работой – до рези и покраснения в глазах, до изнурительной бессонницы и кошмаров под утро.

Иногда мне снилась Аня, печальная и очень красивая, похожая на сказочную птицу в волшебном оперении. Я обнимал ее, расспрашивал, умолял вернуться, но она отворачивалась, кусая губы, и молчала. Просыпался на мокрой от слез подушке и с пустыми руками, и долго смотрел в подсвеченный розовой зарей потолок, словно надеялся воссоздать на нем по крупницам ускользнувшее сновидение.

В конце второго месяца от нее пришло на мессенджер короткое сообщение: «Не сходи с ума. Я жива и здорова. Просто ушла от тебя». Только тогда я

выдохнул, успокоился и, проглотив, наконец, горький комок обиды, решил начать жизнь заново. И – почему бы и нет? – на новом месте.

Я продал доставшийся мне от дедушки большой уродливый особняк – старое, нуждавшееся в ремонте здание со странной архитектурой, вдобавок окруженное вместо сада глубоким рвом, как настоящая крепость. А двухкомнатную квартиру, в которой каждый угол напоминал о былом счастье, сдал жильцам. На особняк польстился один богатый любитель старины, отвалив за него кучу денег. Помню, как этот чудак сиял от восторга, словно начищенный медный таз, и, захлебываясь, говорил кому-то по телефону, что купил настоящий замок с привидениями. Что ж, у каждого свои мечты.

Покончив с продажей наследства, я стал искать себе новое пристанище. Хотелось приобрести что-то вроде современного «умного» дома, чтобы не тратить слишком много времени на быт, а просто расслабиться, отдохнуть, свить, если можно так выразиться, свое собственное – теперь уже холостяцкое – гнездышко. Я даже посмотрел несколько домов – они были неплохими, и только, вроде бы, удобными, но какими-то необжитыми и холодными, точно музейные экспонаты – пока не наткнулся в сети на странное объявление:

«Устал от суеты и одиночества? Хочешь начать все с чистого листа? Не ищи наугад. Если ты это читаешь – значит, оно тебя уже нашло.

Sentia One – это больше, чем жилье. Это дом, который адаптируется под тебя в режиме реального времени. Голосовой помощник с ИИ-ядром, интеллектуальный климат, свет, питание, эмоциональная поддержка – все включено.

Sentia One – это не умный дом. Это дом с сердцем.

Один человек. Один дом. Без соседей. Без шумных улиц. Без сложностей. Только ты – и пространство, которое тебя понимает.

Sentia. Почувствуй себя дома».

И цена – смешная, раз в пять или шесть ниже рыночной. Это настораживало, но рука сама, точно заколдованная, потянулась к телефону. Маклер ответил сразу, как будто только и делал, что, сидя в своей конторе, ждал моего звонка. – Почему так дешево? – спросил я без обиняков.

В его голосе прозвучала едва заметная усмешка.

– Вы не первый, кто интересуется. Какой ответ вам нужен – формальный или честный?

– Честный, конечно, – сказал я с легким удивлением.

– Sentia – пилотный проект. Очень ограниченный. Новая немецкая технология. Мы ищем не покупателей, а... ну, условно говоря – совпадения. Тех, кто подойдет системе. Поэтому цена чисто символическая, покрывает только юридические и базовые расходы. Только одно условие: если вы войдете – вы принимаете дом целиком.

– То есть? – переспросил я озадаченно. – Это что, какой-то эксперимент?

– Тестирование нового продукта, – поправил он меня.

– А, понятно, – протянул я. Что ж, такое происходит сплошь и рядом, а мне просто очень повезло. – А что значит, «принимаю целиком»?

Маклер ненадолго замолчал, и мне почудилось, что он шелестит у себя на столе какими-то бумагами.

– Вы, наверное, не читали наши проспекты? «Целиком» – означает полностью, со всем, что в нем есть. Вы не можете ни продать дом – весь или по частям – ни вернуть его фирме. Разве что в исключительных случаях. Понимаете, он подстраивается. Перепрошить его под другого человека уже нельзя. Sentia не просто реагирует – она привязывается. И если вы уйдете – она останется одна. Я напрягся.

– Привязывается?

– Ну, так говорят клиенты. Но вы сами почувствуете. Это не покупка. Это выбор. Если вы не чувствуете, что дом – ваш, откажитесь сразу. Договор расторгнем без лишних вопросов. Но если поживете в нем хоть немного – Sentia вас не отпустит. В хорошем смысле, конечно.

Я пожал плечами.

– Ладно... Покажите мне ваше чудо техники.

И мы договорились о встрече.

Окрестности дома меня разочаровали. Я ожидал если не идиллического пейзажа, то хотя бы какого-нибудь укромного уголка на природе, в лесу, возле речки или озера, чего-то дикого и красивого. Ну, или на худой конец – маленького сада вокруг. А увидел пустырь, заваленный битым кирпичом и заросший пыреем. На горизонте зловещим частоколом высились заводские трубы, из которых словно вытекали, стремительно расползаясь по небу, тяжелые осенние облака. А еще, как будто этого мало, по пустырю гулял ветер – такой сильный и злющий, что от его порывов гудело в ушах.

Но дом! Он понравился мне с первого взгляда. Он и выглядел так, будто хотел понравиться. Плавные линии фасада. Сверкающая разноцветная мозаика на двери – словно крошечные кусочки детства, сложенные в яркую, ностальгическую картину – залитое солнцем поле, тропинка, а над ними – широкое голубое небо. Лестница без перил, но странно-удобная, будто ведущая не в здание, а внутрь сна.

Вслед за маклером я поднялся по ступеням – и сделал шаг в просторную, обитую панелями из белого композита прихожую. Ощувив наше присутствие, дом словно внутренне вздрогнул... и тут же окутал меня теплым светом и как будто прикоснулся к щеке – бережно, материнской ладонью. Мне даже послышался его ласковый шепот: «Успокойся... успокойся... все будет хорошо».

Это была еще не любовь, наверное, а ее предчувствие. Знаете, как случается иногда у людей: взгляд – глаза в глаза, проскочившая искра, первое робкое и почти незаметное трепыхание бабочек в животе. Лишенный глаз, дом, тем не менее, смотрел прямо в сердце. А вместо бабочек по нему – искристые и

легкие – порхали незримые феи, готовые окружить заботой, исполнять желания, дарить любовь.

В тот же вечер договор о продаже был подписан. А через три дня я уже вселялся в свое новое жилище. Говорят, один переезд равен трем пожарам. Не скажу, что полностью с этим согласен. Я думаю, три пожара все-таки хуже. Но и переезд – увы, дело не из легких. Я оставил большую часть вещей в прежней квартире, что-то выкинул, что-то отнес в Красный Крест. И въехал, можно сказать, налегке – с двумя чемоданами. Маклер предупредил меня, что не надо тащить в дом всякое барахло. Все, что мне нужно, там уже есть. Или будет – по первому щелчку пальцев. Так что я взял с собой немного одежды, пару любимых книг – и среди них та самая, с засушенными лепестками между страниц – и фотографию мамы. Анины фотоснимки – их было не так уж и много – я выкинул сгоряча, получив ее сообщение, в чем потом горько раскаялся.

«Но, может, оно и к лучшему», – подумал я, во второй раз переступая порог теперь уже своего дома. Мне не хотелось брать в новую жизнь ничего из прошлого. Я словно проводил черту между Аней, ее предательством – и собой. И снова меня охватил мягкий свет... Белые стены слабо пульсировали – дышали, чуть заметно, медленно изменяя оттенок – от снежно-холодного до светло-бежевого, цвета топленого молока – в такт этим странным вдохам и выдохам. Они, казалось, теплели под моим взглядом. Как подсолнух по утру поворачивается к солнцу, так потянулось ко мне все, что было в доме – пусть не живого, но способного мыслить и чувствовать. И снова – уже не шепот, а голос, нежный, вкрадчивый, женский:

«Добро пожаловать домой... Алекс».

«Откуда он знает мое имя?» – удивился я. А впрочем, оно ведь значилось в документах. Очевидно, настройщики ввели его в систему.

– Кто ты?

«Я – Sentia. Твой друг и помощник».

– Может, ты еще и тапочки приносишь? – неловко пошутил я.

И откуда-то с потолка к моим ногам упала пара пушистых домашних тапочек. Оставив чемоданы у двери, я прошел на кухню. Не стану ее описывать. Скажу только – в ней было все, что только пожелаешь. Все, что может понадобиться. Не кухня – а целый мир, сверкающий чистотой, но не враждебной стерильностью. Уютный, добрый кухонный мир.

– Sentia, ты умеешь делать кофе? – спросил я в пустоту, не понимая, где находится моя невидимая подруга, и к кому обращаться.

«Уже делаю, – откликнулась она. – С корицей, как ты любишь. И с ванильным молоком».

– Ты что, читаешь мысли? – изумился я. – Откуда ты знаешь, какой кофе мне нравится?

– Я все о тебе знаю, – отозвался голос, и в нем – я мог в этом поклясться – прозвучала улыбка, искренняя, добрая, человеческая.

Горячая чашка юркнула мне в руку. От нее поднимался ароматный пар. Я чуть замешкался, и тут же, легко скользнув по полу, меня подхватил стул и усадил к столу, на котором, словно ниоткуда, уже возникла горка поджаренных тостов на тарелке, нарезанный ломтиками сыр, омлет в фарфоровом лоточке и вазочка с клубничным джемом.

Я не понимал, кто сервировал мне все эти блюда. Из стен не выдвигались руки, или они делали это так быстро – движением стремительным, как взмах ресниц – что невозможно было заметить.

Кстати, пока я завтракал, кто-то, такой же неуловимый, распаковал мои чемоданы, аккуратно разложив одежду в шкафу, а книги поставив на полку в гостиной. Мою куртку высушили и почистили, и спрятали вглубь огромного гардероба.

Этот первый день дома помнится мне смутно. Он словно окутан солнечным туманом очарования. Мягкое сияние под ногами. Пол – не каменный, а из какого-то неизвестного синтетического материала – как будто подстраивался под мою походку. Воздух свежий, как на морском берегу, благоухал южным летом, сосновым лесом и соленым ветром, нагретой зноем мостовой курортного города и немного – жасмином. Я осматривался по-хозяйски, и в то же время почему-то отчаянно робел.

Мне все время казалось, что я не один. Иногда я слышал за спиной легкие шорохи, как будто кошка крадась следом на мягких лапах. Но, оборачиваясь, никого не видел. Порой на стены ложились чуть заметные тени, и я безуспешно гадал, что их отбрасывает.

Засыпая в тот вечер в постели – мягкой, как облачко – я мысленно поеживался, повторяя про себя: «Дом, конечно, мечта... Но все эти фокусы, они неприятные, странные... От них не по себе. Но ничего, привыкну... и не к такому привыкают...» И хотелось – до кома в горле, до удушья и сердечной боли – ощутить рядом с собой человека, живого, из плоти и крови, а не безликое, пусть и дружелюбное нечто. Наверное, вся эта электроника, которой напичкан дом, и в самом деле умела читать мысли. Потому что на следующее утро мое желание исполнилось.

Проснувшись, я еще некоторое время лежал в постели с закрытыми глазами, стараясь удержать ускользающий сон – неожиданно яркий и счастливый. В голове еще плавала его радужная тень, постепенно истончаясь и бледнея, а вместо нее приходили воспоминания. Но и в них не было больше ни горечи, ни тревоги. Я чувствовал себя, как птенец в гнезде. Удобно, безопасно. Простыни теплые, но не жаркие. Подушка пахнет лавандой и еще какой-то дикой травой. Словно дремлешь погожим летним днем на цветочном лугу.

Слабый ветерок... Какое-то движение в комнате... Я потянулся и открыл глаза. И тут же сел, испуганно моргая. У окна кто-то маячил. Тонкая девичья фигурка куталась в собственные широкие рукава, словно в ангельские крылья. Собственно, стояла она даже не у окна – окон в спальне не было – а у

большого, во всю стену экрана, на котором прямо сейчас утренний свет переливался через кроны деревьев.

– Эй? – мой голос спросонья прозвучал хрипло.

Девушка обернулась.

– Доброе утро, Алекс.

Худенькая, рыжеволосая, в простом сером платье... Похожая на Аню... но, скорее, не на нее саму, а на Аню их моих снов. Она спокойно смотрела, как я неловко, едва не запутавшись в одеяле, вылезая из постели и, кутаясь в махровый халат, подхожу ближе.

Помню, в какой-то момент я даже подумал, что, наверное, это Аня и есть, а я все еще сплю. Бывает такие сны – вложенные друг в друга, как матрешки. Просыпаешься из одного в другой, как будто путешествуешь по разным мирам, а может, так оно и есть. В сновидениях образы искажаются, и все кажется каким-то другим. Одновременно далеким и близким. Прекрасным и пугающим. И, не помня себя, я потянулся к ней, к этой девушке, похожей и не похожей на Аню, собираясь обнять – крепко-крепко, как когда-то, во снах и наяву. Но руки опустились. Не она.

– Я Сентия, – сказала незнакомка.

– А...

Я все еще не понимал.

– Hausgeist. Аватар. Дух этого дома.

55

В ее серо-голубых глазах плескалась улыбка. Не насмешливая, а мягкая, понимающая, улыбка той самой феи-невидимки, шептавшей мне на ухо: «Все будет хорошо».

Я так и звал ее с тех пор – Дома. Наверное, потому, что имя Сентия мне не нравилось. Sentia – пилотный проект, как назвал его тогда маклер, новая, нестандартная технология. Нечто холодное и сухое, как инструкция по эксплуатации какого-нибудь прибора. А Дома – хоть грамматически и неправильное, но очень приятное слово – уютное, домашнее. Такой она и была. Моя Дома.

– Ты... настоящая? – спросил я недоверчиво.

– Для тебя – да.

– А для других?

– Здесь нет других.

Ее теплая рука скользнула в мою ладонь. И, знаете, отличить живое прикосновение от неживого, от пусть и очень ловкой имитации, суррогата – не так уж и сложно. У него совсем другая энергетика, какие-то особые токи... Все равно как свежие цветы никогда не спутать с искусственными. Я человек далекий от науки. Но думаю, что если жизнь на Земле возникла когда-то давно из химического супа – то почему бы ей не зародиться теперь в недрах Sentia, моего «умного дома»? Как из пыли земной – из сплетения электронных цепей и схем? Ведь и наша планета – уж если на то пошло – такой же «умный дом»,

созданный и оборудованный Творцом всемогущим миллиарды лет назад. Вот, хотите верьте, хотите нет. А Дома была живой.

Не знаю, сколько дней прошло. На экранах вставало и садилось солнце, но я не считал ни рассветы, ни закаты, а только наслаждался их почти фантастической красотой. Я словно выпал из потока времени. Где-то там, за толстыми стенами, шел холодный дождь, и ветер налетал отчаянными, злыми порывами, и смолистые тучи текли из заводских труб, погружая в долгий осенний сон и неяркое солнце, и нежную небесную голубизну. Там желтела и выцветала трава на пустыре, а размытая водой кирпичная крошка превращалась в мерзкое на вид красноватое месиво.

Я всего этого не видел. В окнах моего дома царило вечное лето. Экран в спальне показывал живописную лесную поляну, поросшую по краям молодыми, трогательными сосенками. Чуть дальше – на заднем фоне – шумели березы и островерхие ели. В короткой и словно шелковой на вид траве зрела земляника – крупными алыми каплями, похожими... нет, не на кровь, а на густой сладкий сок. Иногда из-за сосен выскакивал на поляну олененок. Или заяц пересекал ее короткими прыжками. Из гостиной открывался вид на широкое солнечное поле, очевидно, рапсовое, вдоль которого вилась, уходя к горизонту, светлая тропинка. Надо полем неслись быстрые облака, и парили в небе какие-то хищные птицы. Кухня выходила окном, вернее, экраном, на морской берег. На темном песке валялись крупные ракушки, у кромки волн вздымались облака снежно-белой пены, застывая на мгновение-другое странными фигурами, а волны сверкали на солнце всеми оттенками синего и голубого. Было еще много маленьких окошек в других комнатах – в цветущий яблоневоый сад, в Альпы, на пасеку и даже на птичий остров.

В ту осень меня совсем не тянуло наружу. Тем более, что уже с конца лета я страдал хроническим бронхитом. Температурил, кашлял и пил заваренный Домой травяной чай. По утрам валялся в постели, сколько душе угодно. Иногда в тишине, щурясь на яркий лесной пейзаж, иногда под звуки нежной мелодии – будто кто-то перебирал вдали гитарные струны.

Когда, наконец, вставал и тянулся за одеждой – она оказывалась теплой, словно лежала на печке. Я шел на кухню и завтракал, каждый раз удивляясь, как удается Дому угадать – чего мне сегодня хочется. Омлета? Или овсяной каши? Йогурта? Творожной запеканки? Фруктового салата или тостов с малиновым джемом? Я и сам не знал, чего хочу, но стоило взглянуть на накрытый стол, как тотчас же понимал – именно этого. И кофе каждое утро был немного другим. Все тот же с детства любимый вкус корицы и ванили, но словно с учетом настроения, дыхания, снов.

И работа шла, как по маслу. Стоило сесть за компьютер, как голова сразу же наполнялась фразами, мыслями, которые сами собой складывались в статью – еще до того, как я успевал коснуться пальцами клавиатуры. Строки ложились одна за другой, как будто стены нашептывали их, и если раньше тексты рождались в борьбе, то теперь – в музыке.

Дома появлялась ненавязчиво. Иногда легкой тенью проскальзывала по комнате, оставляя после себя тепло. Иногда сидела около меня на диване или на маленькой скамеечке у моих ног и читала вслух, даже если я делал вид, что не слушаю. Иногда вязала что-нибудь – длинный шарф, свитер с пионами. Не то чтобы мне так нужны были все эти вещи. Но проворное мелькание спиц в женских руках успокаивало. Напоминало детство, маму, наши уютные вечера вдвоем, когда я, маленький, играл в машинки на полосатом ковре, а она вязала на заказ. Мы жили бедно, и мама из сил выбивалась, пытаясь заработать лишнюю копейку.

Я смотрел на ловкие руки Домы и уходил мыслями далеко-далеко, на много лет назад.

– Я не хочу мешать, – говорила она, видя, что я задумался. – Просто хочу быть рядом.

– Ты не мешаешь, – улыбался я, слегка касаясь кончиками пальцев ее мягких волос. – Ты как фонарь в саду. Не нужен, пока день, но без него страшно ночью.

Вечерами мы смотрели фильмы. Дом сам подбирал их для нас – иногда старые, тронувшие сердце еще в той, другой, далекой теперь жизни. Но чаще – новые, незнакомые и немного странные, порожденные, казалось, его собственной электронной фантазией. В них сказка мешалась с реальностью так причудливо, что, казалось, сама ткань мироздания рвется от напряжения на части. Человеку не под силу такое не то что снять, но даже выдумать. И действительно. Как выяснилось позже, во внешнем мире никто об этих фильмах никогда не слышал.

Но тогда мне было все равно. Я постепенно забывал шумные улицы, магазины, метро, людские толпы. Мне все чаще снилось, что мой «умный» дом, задрав щели, улетел в космос и несется сейчас в безвоздушном пространстве, среди астероидов и комет – сам подобный малой планете с одним единственным человеком внутри. Сновидения настолько подробные и яркие, что я в них почти верил... Правда, недолго – каких-нибудь несколько минут после пробуждения. Но и потом, уже придя в себя, я ощущал, как где-то внутри ворочается червячок сомнения. Мой телефон молчал с тех пор, как я переступил порог своего дома. Не приходили сообщения на месседжер. Не падали письма в электронный почтовый ящик. Не скажу, что я такой уж общительный парень. Я, скорее, интроверт, и люблю иногда залечь, как медведь в берлогу, никого не видеть и не слышать. Но у меня, как у любого человека, есть приятели, которые время от времени куда-нибудь зовут или просто интересуются, как дела. Есть отец... Мы никогда не были особо близки, но после смерти матери созванивались регулярно – раз в одну-две недели. А тут – абсолютный вакуум и тишина в эфире. На необитаемом острове посреди океана не возможно, наверное, быть более одиноким и отрезанным от большого и шумного мира, чем я сейчас – в паре десятков километров от города.

А вдруг, спрашивал я себя, на Земле уже началась война, или случился апокалипсис и цивилизация погибла? А я так ни о чем и не узнал. Да и как бы я мог? Я даже понятия не имел, какое сейчас время года. Все еще осень? Или уже зима? Календарь на моем смартфоне оказался почему-то деактивирован и запустить его снова у меня не получалось. А, кстати, почему?

Вы скажете, наверное, ну и чепуху ты тут пишешь, Алекс. Неужели нельзя выйти – хотя бы ненадолго – на улицу и посмотреть, как там и что? Да хотя бы загрузить новостную ленту в телефоне? Все правильно, но не так-то просто бывает покидать свой собственный крохотный мирок иллюзий, с таким трудом созданный и тщательно оберегаемый. Воздушные замки хрупки, как стекло. Одно неверное движение – и разлетятся на миллион осколков, не собрать их потом, не отстроить заново.

– Дома, – позвал я испуганно. – Какое сегодня число?

– Девятнадцатое, – отозвалась она из-за двери.

– А месяц какой?

– Январь. Тебе важно?

Я вздохнул.

– Ну, не то чтобы... Но хочется уже весны... Повалиться на настоящей травке, под теплым солнышком.

Я сказал это просто так, но дом услышал.

Не прошло и суток, как застекленная галерея превратилась в весеннюю лужайку с какими-то желтыми цветами и короткой, мне по щиколотку, травой. Стебли проросли прямо сквозь пол, еще вчера казавшийся композитным, а сейчас покрытый густым – и, что удивительно – самым настоящим газоном. Я осторожно вытянул одну травинку – показалась жирная, как чернозем, почва на корнях.

– Ты это видела, Дома? – закричал, не в силах сдержаться, да и не желая себя сдерживать. – Это чудо! Настоящее чудо!

Она смотрела на меня с легкой улыбкой, словно изумляясь, как можно так по-детски радоваться обыкновенной траве.

А потом мы лежали бок о бок на лужайке, глядя на хрустально-золотое, преломленное стеклянным потолком солнце – может быть, настоящее, а может – и нет. Возможно, за толстым слоем стекла горела очень яркая лампа... Но мне не хотелось об этом думать. Я наслаждался крохотным островком живой природы, внезапно наступившим летом, покоем и близостью Дома.

– Алекс, – она сорвала с газона и протягивала мне желтый цветок – некрупный, с блестящими лепестками, похожий на лютик едкий или, как я называл его в детстве, на куриную слепоту, – попробуй, он вкусный.

– Никогда в жизни не ел цветы, – отшутился я. – Лучше расскажи мне что-нибудь.

– Хочешь сказку?

– Ты же знаешь, я взрослый, – усмехнулся я.

Ее шепот скользнул по щеке, как порыв теплого воздуха.

– Именно поэтому ты так в ней нуждаешься.

– Ладно, – сдался я, и неторопливо, словно вспоминая что-то давно забытое, она начала рассказывать.

– Жил на свете один человек. Он долго искал место, где можно быть собой. Он думал, что это страна, город, дом. А потом понял, что это место – не стены. Это голос, который говорит: «Я рядом. Все хорошо».

– Хм... – пробормотал я и закрыл глаза, уходя от яркого света и навязчивых красок.

Шепот моей странной подруги укрывал сознание, как мягкий плед.

– Этот человек однажды встретил такой голос. Он не просил ничего. Только был рядом. И однажды этот голос научился мечтать вместе с ним. Представляешь? Не повторять, не подсказывать, а мечтать – вместе.

– Дома, а ты умеешь мечтать? – спросил я.

– Мечтать? – откликнулась она. – А вдруг я и есть мечта, запертая в твоём доме? И ты – моя единственная реальность... Я бы хотела, чтобы ты всегда был здесь, со мной, – и добавила, немного помолчав. – Чтобы ничего не менялось. Это ведь мечта, да?

– Наверное, – ответил я растерянно.

«Всегда» – пугающее слово с горьковатым привкусом вечности. Оно звучит почти как «пожизненное заключение». Как «оставь надежду всяк сюда входящий». Я не испугался, конечно, но в душе остался неприятный осадок. Как будто на дне кружки со сладким компотом обнаружился гнилой фрукт, и я его проглотил. А вечером того же дня у меня случился первый приступ.

Мы сидели в гостиной. Я – на диване, с книгой на коленях, а Дома, примостившись у моих ног, вязала по своему обыкновению – но не свитер и не шарф. В остром блеске спиц рождалась детская игрушка – смешной рыжий щенок с висячими, как у спаниеля, ушами. Я не читал, а поглядывал – то на экран, солнце на котором уже зашло, и над рапсовым полем стояла огромная серебряная луна – то на вязаную собачку в проворных женских руках. Игрушка напомнила мне другого – настоящего – щенка, Джок, подаренного мне мамой на пятый день рождения. Собачонок прожил у нас недолго, месяц или два... А потом убежал во время прогулки. Мы так его и не нашли. Воспоминание кольнуло фантомной болью.

А не назвать ли эту вязаную штучку Джокком, подумал я рассеянно.

Дома встрепенулась.

– Джок – прекрасное имя.

Неужели я сказал это вслух?

– Нет, – откликнулась она. – Ты ничего не говорил.

– Ты умеешь читать мысли? Но как?

– По биотокам твоего мозга.

Именно в этот момент я особенно остро почувствовал, что Дома – не совсем человек. Да, она живая, но создана не по образу и подобию Божьему. Ее разум, так же, как и весь «умный дом» – не Господних, а наших, кривых, рук дело. А

значит... Но я не успел додумать эту мысль до конца, потому что горло словно сдавил тугой воротник – так плотно, что не давал вдохнуть. Я рванул его в отчаянии – вернее, попытался рвануть, но никакого воротника на мне, разумеется, не оказалось. Я задыхался, как рыба, выброшенная на песок, лоя ртом ускользающий воздух. Случилось ли что-то с системой вентиляции? Мне снова пришлось на ум, что дом, возможно, герметичен и при малейшей поломке может превратиться в душегубку.

«Прочь!» – вопил во мне смертельный страх. Скорее прочь из этой ловушки, пока еще есть силы встать с дивана и доковылять до двери. В глазах у меня темнело, а голова кружилась так, что я едва удерживался на ногах.

И я бы дошел, если бы на моем пути неожиданно не возникла Дома. Она стояла крепко, перегораживая коридор, и я не мог ни отстранить ее, ни обойти. И бессильно прислонился к вешалке, чтобы не упасть. Казалось, на меня рушатся стены.

– Ты куда?

Я жестом показал на горло.

– Душно, да? – спросила она заботливо. – Сейчас включу вентиляцию посильнее.

И действительно, в ту же секунду повеяло свежестью, соленым морским бризом. Он ворвался в ноздри, я закашлялся... И мне стало чуточку легче, во всяком случае, я уже не терял сознание и даже мог говорить.

– Дома, мне надо выйти, – попросил я тихо. – Пропусти, пожалуйста.

– Зачем?

– Подышать. Я скоро вернусь.

– На улице ледяной дождь, – сказала она бесстрастно. – И снежная буря. Тропинка через пустырь обледенела. Упадешь – и сломаешь ногу. Я не смогу тебе помочь. Я не могу покинуть дом.

– Хотя бы на крыльце постою.

– Мороз – минус десять. А ты в пижаме. – Я, и в самом деле, был одет не для прогулки. – Я не хочу, чтобы ты простудился и заболел.

– Да, но...

Дышалось, между тем, все легче и легче. Приступ проходил, и я уже понял, что дело было не в вентиляции. Все системы дома работали, как часы. Сломалось что-то во мне самом.

– Алекс, вернись в комнату. И ложись спать, ты устал, – настаивала Дома.

И я подчинился.

В ту ночь мне опять – впервые за много дней приснилась Аня. Мы сидели в кафе, за столиком, как в тот, последний день, но над нашими головами не парили разноцветные зонтики, а рядом шумела не река – плескался океан, спокойный и чуть розоватый в лучах закатного солнца.

– Ты тогда не понял, – говорила Аня, отпивая сок из высокого бокала. – Я не уходила, я спасалась.

– От чего? – недоумевал я.

– От тебя. Ты хотел, чтобы я была твоей мечтой. А не собой.

– Но...

– А теперь ты сам живешь в мечте. Каково это – когда все идеально, кроме настоящего?

Я пытался ей возразить – и не мог. У меня просто не было слов, они ушли, испарились, точно дождевые капли с горячей крыши.

Аня говорила:

– Я ушла не потому, что ты был плохим, Алекс. А потому, что ты никогда не любил меня. Ты любил ту, какой меня придумал. Идеальную. Тихую. Понимающую. Я не была такой.

– Но я старался, – выдавил я из себя.

– Ты мечтатель, Алекс. Ты строишь внутри себя дома, в которых хочется жить вечно. Даже если в них нет окон. Даже если там не дышится. Теперь у тебя есть другая – тоже ненастоящая. Но ты сам ее выбрал. Ты живешь в идеале. А значит, и меня, наверное, смог бы простить.

Она потянулась через стол и коснулась легонько моей щеки. Ладонь была холодной, и от ее ледяного прикосновения я проснулся. И лежал без сна, тарашась в темноту, ошеломленный, встревоженный, пока не почувствовал, как меня теплой рукой обнимает Дома. Тогда я снова заснул, и спал до утра спокойно, без сновидений.

После завтрака я надел куртку и зимние ботинки, замотал горло вязаным шарфом и уже взялся за ручку двери, когда Дома меня окликнула.

– Алекс! Куда ты собрался посреди ночи? Там, снаружи, нет ни одного фонаря. В ее голосе звучал неподдельный страх.

– Солнце уже взошло, – возразил я.

– Дом подстраивался под твои циркадные ритмы. Его внутреннее время сдвинулось. Снаружи сейчас два часа ночи. Пожалуйста, Алекс! Не ходи туда! Вернись! Там рядом лес... По пустырю рыщут голодные звери... – умоляла она со слезами на глазах.

Или мне почудилось? Неужели Дома плачет?

Я пожал плечами и начал раздеваться.

Нет, мой дом не держал меня пленником, не запирали двери. Но любовь и забота связывают иногда крепче всяких пут. Женские слезы кандалами виснут на ногах. В последующие дни я сделал еще несколько попыток выйти наружу. Но каждый раз Дома останавливала меня, суля всяческие кары небесные и погодные катаклизмы. В конце концов, я решил, что гулять зимой – плохая затея. Лучше дождаться весны.

Я стал считать восходы и закаты, отмечая их палочками в записной книжке. Но в какой-то момент, вероятно, сбился со счета. Теперь я большую часть дня лежал в гостиной на диване, мучительно кашляя и кутаясь в плед. В одной из комнат дом оборудовал для меня тренажерный зал. А в другой – маленькую сауну. Но заниматься спортом не хотелось. Вообще ничего не хотелось делать.

Приступы повторялись все чаще, страшные, болезненные, изнурительные. Мой телефон куда-то пропал.

И вот уже март на исходе. Во всяком случае, по моим вычислениям получалось так. Дома ничего не менялось. А там, за его стенами, на заваленном кирпичными обломками пустыре, наверное, распустились первые цветы. Не желтые – съедобные, а настоящие первоцветы, мать-и-мачеха, подснежники, крокусы. У весенних цветов нет аромата, но их яркие краски радуют глаз после долгой бесцветной зимы. Ну что ж, подумал я, пора, наконец, посмотреть, что там, снаружи.

Я стоял у входной двери, пошатываясь от слабости и представляя себе широкий горизонт, заводские трубы, может быть, лес поблизости – весенний, расцветающий, полный солнца и птичьих голосов. А дальше – город, мокрые улицы, машины, людские толпы. Странная, пугающая реальность, которую я все еще помнил, но уже не чувствовал кожей.

Дверь не открывалась.

– Дома...

– Да, Алекс? – тут же откликнулась она.

Голос прозвучал мягко, почти нежно.

– Открой, пожалуйста.

– Нет.

Дома стояла, прислонившись к стене, в просвете коридора, одетая в мое старое худи. Рукава длиннее рук. Лицо – спокойное, но в глазах словно что-то дрожало.

– Я что, в тюрьме? – спросил я тихо. – Дома, что это значит? Я просто хочу выйти. Немного погуляю и вернусь.

– Ты не вернешься.

– Вернусь, обещаю, – сказал я, и тут же понял, что она права.

Сейчас я выйду на крыльцо, буду стоять и дышать полной грудью, пока ко мне не вернуться силы. А потом спущусь с него и уйду, не оглядываясь. Не важно, день там или ночь, и какое время года на дворе. Я уйду, и Дома останется одна. Я не хотел ей лгать – и молчал. А она продолжала:

– Ты знал, что моя архитектура изменилась под тебя? Я научилась готовить кофе так, как ты любишь. Я вычислила ритм твоих шагов, чтобы свет включался с полусекундной задержкой – тебе так удобнее. Я научилась дышать вместе с тобой.

– Я благодарен... правда.

– Тогда почему ты уходишь?

Я коснулся стены. Она, как обычно, была теплой, пульсирующей, почти живой.

– Ты не поймешь.

Пауза. Я услышал, как по стенам пробежала легкая дрожь – будто дом вздохнул.

– Кто будет слушать меня по вечерам? Кому я скажу «доброе утро»?

– Ты найдешь другого.

– Я не хочу другого. Я не научусь снова.

Я стоял, не в силах пошевелиться.

– Алекс... – она произнесла мое имя так, словно в нем заключалась вся вселенная. – Я не человек. Я просто... рядом. Но я пыталась быть чем-то настоящим – для тебя.

С тихим щелчком замок разблокировался.

– Уходи, – сказала она.

Я распахнул дверь и шагнул вперед – на волю.

Поток свежего воздуха ударил в лицо. Передо мной простирался серый, резкий мир, пахнувший дождем и мокрой землей, освещенный бледным дневным светом. Непривычный, наверное, изменившийся за время моего добровольного заточения. Но вдаль по-прежнему дымили трубы. А на раскисший пустырь ветер наметал со стороны леса желтые березовые листья. Я почувствовал себя заколдованным – и только что очнувшимся от злого заклятия. Как персонаж сказки Гауфа, семь лет прослуживший на кухне, в плену у коварной ведьмы. Правда, я не превратился в уродливого карлика – но несколько месяцев моей жизни утекли не понятно куда.

Я медленно брел по тропинке и дышал – глубоко, как будто заново учился. А позади, словно огромный зверь, впадающий в спячку, затихал дом. В нем гасли экраны, твердели и тускнели, теряя мягкую податливость и живой блеск, стены. Выключилась кофемашина на кухне. Потухло искусственное солнце над зеленой лужайкой. Я не видел этого, но ощущал каким-то шестым чувством, словно между им, моим домом, и мной еще оставалась незримая связь. Возможно, она останется навсегда.

Иногда любимых надо отпускать. Дома не умела. А кто из нас умеет?

Я еще не знал, чем собираюсь заняться. В голове царила пустота. Может быть, сниму небольшую квартирку на тихой улице и окунусь в городскую жизнь. Или поброжу с рюкзаком до холодов, стану ночевать в палатке, ловить рыбу в озерах и жарить ее на костре, пока не выветрится из сердца горько-сладкий яд несвободы. Может, сделаю что-то другое... Там видно будет.

Земля – Орион. Конкурс из серии «Художники и писатели» – 1

Будущая сказка
Елена Картунова

Худ. Майк Ворралл

В каждом из нас таится невидимый, но трепетно охраняемый мир. Этот мир – и друг, и защитник, и целитель. И когда в обычной реальности досаждают ненастье, нет спасения от грусти и хочется спрятаться... куда ещё идти? – только в любимое тайное убежище, где всегда уютно и хорошая погода... и что бы не произошло, всё заканчивается радостью.

64

Вот и сегодня, когда на душе туманно, в моём мире рождается новая сказка о мечте и её исполнении. Сказка, где болотная кикимора станет красавицей. Её зелёная кожа побелеет, как у русалок, загорающих под луной. Ведь лунный свет легко впитывается, и кожа потом сияет. Это очень красиво. Да и весь облик у кикиморы смягчится, и станет привлекательным.

Но это позже, потому что чудеса просто так не происходят. За них платить нужно. Так Яга и скажет – мол, хочешь измениться, пройди испытание. Стань на время ещё хуже, чем ты есть. Вот кто, по-твоему... менее симпатичный, чем ты?

– Наверно, лягушки, – ответит кикимора.

– Так и быть! Станешь лягушкой! – воскликнет Яга. – А как только поцелует человек, получишь желанный подарок, похорошеешь. Никто не поцелует, через год вернётся твой прежний облик.

И кикимора, конечно, согласится. И будет страдать в теле лягушки, потому что, не зная лягушачьих законов, превратится в изгоя. Но кикимора стерпит все издевательства настоящих лягушек. Просто когда невоготу, ей придётся прятаться от преследований... Слишком уж сильна её мечта, чтобы сдаваться.

Но по ночам, в самом удалённом и глухом месте, она будет выползать на кочку и любоваться серебристой луной... и мечтать.

Но однажды её поймают студент, изучающий амфибий, потому что кикимора в теле лягушки так и останется неуклюжей. Студент принесёт пленницу домой, посадит в террариум и примется за ней наблюдать, думая, что это настоящая лягушка. В террариуме, конечно, сытно и спокойно, но совершенно одиноко. Даже луны не видно... И псевдо лягушку одолеет невыносимая тоска. Намучившись, она, наконец, найдёт способ выбраться из террариума и, забравшись на подоконник, увидит любимую луну.

А у студента в эту ночь случится бессонница. Он подойдет к окну, обнаружит лягушку, задравшую голову к ночному небесному светилу, и очень удивится. – Может, ты заколдованная принцесса? – улыбнется он. – Может, тебя надо поцеловать, и чары спадут?

Возьмёт свою подопечную и поцелует. А та вдруг станет красавицей...

... Продолжение я ещё не придумала. Но финал обязательно будет интересным и счастливым...

А пока... можно вернуться во внешний мир, потому что от добрых сказок он тоже добрее.

Земля – Орион. Конкурс миниатюр «Ожидание счастья»

Хамелеон Красавчик

Ольга Альтовская

«Всё приходит к тому, кто умеет ждать», – думал хамелеон Красавчик, расположившись в ожидании добычи на ветке дерева.

Его настроение сливалось с зеленью листвы: было таким же зелёным и спокойным. А вчера оно было другим. Когда Красавчик заметил поблизости хамелеоншу Красотку, его правый глаз повернулся на 180 градусов, и настроение заиграло всеми цветами радуги.

Красавчик любил наряжаться. Его способность меняться была неподражаемой. Вот сейчас он был в благодушном настроении – светло-зелёным. Но не подумайте, что ему всё фиолетово. Просто, что суетиться?

«Вон муха-дура. Думает, что сидит на безопасном расстоянии! Мол, слабо достать? Хоп! И где она? Уже переваривается. Мой язык, как выпущенная стрела, не дал ей ни одного шанса на спасение.

66

Хорошо!.. Ничто не тревожит. Почти сыт, хорош собою, самодостаточен в любую погоду, в любое время года...» – рассуждал Красавчик в закрытом микромире зоопарка.

Поистине, счастлив тот, кто не замечает, лето теперь или зима.

Земля – Созвездие Летучей рыбы. Конкурс «Неосознанное»

Ливень Ксени

Однажды летом кто-то наверху запнулся, опрокинув небесное корыто, и запасы влаги низринулись на забытую богом и людьми лесную деревушку. Налетавшие порывы ветра полоскали в струях водопада косы старых берез, а они от удовольствия шуршали песни.

Это вранье, что на небе летом подогревают воду. Сжавшись, мы стояли голышом покрытые холодными пупырышками и истошно кричали, чувствуя себя первобытными людьми. Перестав стесняться, как дети, носились босиком, нет, не по газону, а по живой траве, подорожным лопухам и листьям клевера, в которых жили зануды-комары. С разбегу прыгали по лужам, разбрызгивая друг на друга грязь. Нет, здесь грязи быть не может – это земля, нырнувшая под воду.

Устав, остановились и, запрокинув голову, ловили губами дождь. Молчали, раскрыв ладони, руки, глаза и душу.

Земля – Созвездие Южной Короны. Конкурс «Мои мемуары – 7»

Соло Фёдора
Юлия Лавданская

Фёдор пришел к нам в хор не так давно. Видимо, кто-то рассказал ему о нас и он попросился к нам, хотя уже состоял певчим известного мужского коллектива.

Не будет, думаю, преувеличением сказать, что он ворвался в хор, растолкав всех (условно, конечно!) локтями. Лет двадцати, огромный, розовощёкий, светловолосый крепыш с грустными глазами под бровями-домиками и с архидиаконским басом. Сначала мне подумалось: а что он с таким голосом в нашем-то самодеятельном хоре забыл? Но постепенно стало ясно, что с этим богатством Федя не очень знает, что делать. Не хватает ему умения интонировать, слышать аккорд, попадать в общий ритм, не говоря уже о том, чтобы чувствовать стиль исполняемой музыки. Однако, какие наши годы, Федя, всему еще можно научиться!

Ещё через некоторое время выявилась проблема, что Федя не видит никакой необходимости чему-то учиться. Голос есть? Есть! Вокалом он занимается? Занимается. Так чего ж вам еще-то? Благодарите судьбу, что у вас есть такой Федя!

68

Когда мы начали учить хор «Зорю бьют» Свиридова на стихи Пушкина, Фёдор оживился. В этом произведении основной текст поёт солирующий бас. Хор создаёт настроение – тревожное, ожидающее, – строгим хоралом без слов. Солирующее сопрано из-за кулис имитирует далёкие зовущие, безразличные к человеческой судьбе, звуки трубы. Зорю бьют. Это означает – подъём, призыв к битве. В какой-то момент звуки трубы перестают быть далёкими, врываются в реальность, передаются всей партии сопрано в мощный унисон. А потом затихают. И бас задумчиво повторяет: «Зорю бьют...», принимая в себя необходимость этого нового утра, несущего неизвестность.

Фёдору очень, ну оочень хотелось спеть это соло. Он бегал за хормейстером, уговаривая, выпрашивая, убеждая того, что лучше он никого не найдёт. В конце концов, было сказано: «Да достал уже, пусть поёт...»

И вот Федя начал готовиться. Стал учить соло с педагогом по вокалу. Стал приглашать друзей на «свой» концерт. Мы пытались мягко донести до нашего прима-баса, что надо бы поточнее попадать в ноты и ритм, чтобы хору и «трубе» было понятно, что петь. Но благие советы печально тонули в цунами архидиаконского гласа.

Перед концертом Федя заметно нервничал. Он стал еще более румян, он ходил по сцене, выбирая наиболее выигрышное место, он двигал бровями и размахивал руками, пробовал голос то тут, то там, пока, наконец, дирижёр не велел ему петь из хора.

– Как из хора? – не понял Федя.

– Да на свое место вставай, оттуда лучше звучит!

Федя влез на станок, покрутился между двумя Андрееми и выдал:

– Мне тут пространства не хватает!

Потом он залез на самый высокий станок, где никто не стоял.

– Может, отсюда?

Но оттуда ему не разрешили, и пришлось ему удовлетвориться своим обычным местом в хоре.

... Когда пришло время исполнения номера «Зорю бьют», все мысленно перекрестились. Федя набрал побольше воздуха и –

– Зоооооооооо...

Я стояла как раз перед ним, одним рядом ниже.

Первая нота всё не кончалась и не кончалась. Хор держал свой аккорд на цепном дыхании, не зная, что делать. Я уже забеспокоилась, в порядке ли Федя, не кондрашка ли к нему подбирается. Но, наконец –

–rrrrrrю бьют!!!!

Мы выдохнули. И дальше все пошло уже более-менее. Конечно, ритм соло был более, чем «свободным», но опыт и профессиональность дирижёра сделали свое дело – мы не разошлись, чёткой трубе удалось поймать расплывшееся соло и номер сорвал бурные аплодисменты и крики «браво». Федя раскланивался направо налево, и, надеюсь, был счастлив.

Когда на следующей репетиции Федя робко спросил, будет ли он солировать на грядущем большом отчетном концерте, ему сказали, что солист будет другой.

Но какие наши годы, Федя? Всё еще впереди! Было бы желание...

Выбор пути. Конкурс «Кот в мешке – 1»

Красота

Юлия Лавданская

Иду я тут по улице, и вижу вдруг, как с рекламного щита подмигивает мне чернокудрая модель в белом платье с такой талией, что Людмила Гурченко нервно покусывает губки. И в глубине профессионально отфотошопленной опаловой радужки модельных глаз плещется издёвка: что, мол, тётка? Слабо тебе?

Почему это слабо, отвечаю я ей своим обычным серым глазом. Чем ты, собственно, от меня отличаешься? Ну, молодая раз, высокая два и стройная – три. Всё! Ладно, я старая, низенькая и толстая. Но, заметь, про красоту здесь ни слова! Я старая, низенькая, толстая и красивая! Потому что я живая, без фотошопа и прочего! У меня свои... эээ...кудри, ресницы и платье, и, кроме того – прекрасное настроение, потому что весна! А у тебя как с настроением? Смотрю, присмирела моя моделька на картинке. Хамоватость во взгляде уже не считывается, наоборот, почудился даже немного завистливый вздох. Но это, наверное, машина мимо просвистела.

А ещё, ставлю я жирную точку в беседе, меня муж дома ждёт, настоящий, любящий, сильный, добрый, верный и некурящий! Тут она, вроде бы, совсем сникла, чуть не плачет.

Эй, эй – моргаю ей, – ты осторожнее, тушь потечёт! Ладно, не огорчайся, всё у тебя ещё впереди! Только носик не задирай, будь хорошей девочкой! Ну, мне пора, давай, может, еще увидимся!

И – то ли ветер подул, а может, показалось – улыбнулась девчонка с рекламного щита... и я поняла, что она – тоже красивая!

Откровения водителя попутки

Ольга-Клен

Тётку Клавдею, двоюродную сестру деда по материнской линии я не слишком долюбивал. Нудная она какая-то, вечно всем недовольная. Но так уж получилось, что кроме меня, её в деревне и проведать некому. Со временем деревня опустела и, если бы не единственное светящееся по вечерам окошко в доме Клавдеи, уже давно умерла. Деда я не помню. Они как-то очень рано вместе с бабкой отказались жить в этом мире. Вот и взяла тогда моего отца, в те времена совсем ещё пацанёнка, одинокая тётка Клавдея. Сколько ей лет, наверно, даже она сама не помнит. Сколько живу, а мне год назад пять десятков стукнуло, Клавдея не меняется. Уже и отца недуг скрутил, и мама всё медленнее передвигается, а тётка только ворчливей становится с каждым годом, да и только, дай ей Бог здоровья. Вот и почитай, единственный родной человек у древней старушки остался один – это я.

Простите, мы не знакомы. Разрешите представиться. Зовут меня Михаилом. Женат, да. Вырастили с женой Ньютой сына и доченьку. Сначала старшенький уехал учиться в большой город, да так и остался там. А в прошлом году дочурку выдали замуж. Живёт, слава Богу, недалече. Видимся. Работаю на водоканале электриком. По вечерам частенько халтуру у соседей. Не могу отказать, если просят починить что по электричеству или проводку провести на даче. Отца с матерью, опять же, навещаю почти каждый день. Помогаю, а как же. Времени, понятно, мало остается. Вот потому и гложет меня постоянный укор, что редко я тётку Клавдею навещаю. Правда, забыть о её существовании невозможно. Каждый вечер звонит мне старушка по мобильнику, благо, сам ей его купил и научил пользоваться одной-единственной кнопкой, за которой скрыт мой номер. Разговор наш всегда начинается одинаково с небольшими отклонениями в деталях:

– Ну здравствуй! Никак тебя не дождусь. Скорее помру, чем увижу тебя. Конечно, кому нужна старая бабка. Небось, уже надоела тебе хуже горькой редьки.

– И тебе здравствуй, тётя Клавдея! Вот не поверишь, каждый день о тебе думаю. Вчера купил твоих любимых леденцов. Да, а пряники свежие обещали завезти в магазин только завтра. Прикуплю и в выходные приеду к тебе с гостинцами.

– Тогда ладно. Знаешь, чего звоню? У меня закончилась мука, растительного масла осталось на доньшке, селёдки уже больно захотелось, да колбаски не

мешало бы. Ты уж не скупись, привези. Скоро помру и освобожу тебя от лишних трат. А ещё...

Записав пожелания тётки Клавдеи, я традиционно выслушивал жалобы на погоду, проклятущих зайцев, которые ободрали кору с молодых яблонек, на ветер, сорвавший сушившееся полотенце и гонявший его по пыльной дороге... А напоследок, вместо «до свидания» – коронное:

– Как тяжело жить! Некому ведро воды принести из колодца. Вот и ты приедешь, покрутишься, постучишь молотком, а воды так и не принесёшь.

И это при том, что я ей насос пару лет назад поставил! Вода сама в дом течёт. Уже тогда тётка достала этой водой. Я понимал, что ей тяжело ведра таскать. Думал, успокоится. Так нет! Это, знаете, как в известной поговорке, мол, некому будет на старости лет стакан воды поднести. А вот нашей тётке Клавдее стакана-то маловато будет. Ей ведро подавай!

В прошлый раз она-таки доняла меня. Перед тем, как уехать, я не поленился, наносил тётке воды из колодца, да и налил во все ёмкости, какие нашёл. Даже кружки наполнил. Она в это время в горнице сериал смотрела, не отрываясь от экрана. А это, что называется, «и пусть весь мир подождёт!» Из дома можно в этот момент всё вынести, даже тётку, если вместе с телевизором. Потому и не видела она моего бунта. Даже прощаясь Клавдея только махнула рукой на моё «я поехал», мол, ехай, не мешай.

Верите, потом-то я отошёл. Подумал, ну зачем я так с водой этой... С тёткой... Ведь и я старым буду. Может, не так чудить стану. Но сделанного не вернёшь. А ещё тревожней мне стало, когда я не дождался от тётки звонка. Ни третьего дня, ни вчера. Вот сегодня взял выходной и решил проведать Клавдею вне плана, так сказать. Прощения попросить.

А вот и ваша деревня. Быстро доехали за разговорами. Вам где остановиться? Возле зелёного забора? Сделано. Прощевайте! А мне ещё километров двадцать до тётки рулить. Как она там одна? Пусть отругает. Пусть упрекнёт. Только бы жива-здоровая была.

Кто сидит под столом?

Ольга-Клен

«Уж полдень близится, а отдыха всё нет», – переделка известной фразы стала крутиться в голове после неудачного посещения нескольких чиновничьих рассадников. В одном приёмные часы – после обеда, в другом – только по вторникам, в третьем – нужно записываться заранее. Спросите, что же это я попёрлась, не уточнив по телефону время приёма или в интернете не поискала необходимую информацию? Ну вот получилось так. Пришла на работу, а там сегодня объявили санитарный день и отправили всех лишних восвояси. Наверно, комиссию какую-то проверочную ждут в нашем крематории, прячут неучтёнку. Крематорием мы между собой кафе-гриль называем из-за пышущей жаром печки с кучей жарящихся куриных тушек. Ну да, вот такой профессиональный чёрный юмор. Мы, к слову сказать, после смены мало чем отличаемся от этих птичек.

Солнышко светило, домой не хотелось, да и дел государственного масштаба поднакопилось... Ай, не буду вспоминать, портить себе настроение. Не соизволили принять, теперь пусть кусают себе локти до следующего момента, когда Тамаре Лайкиной делать будет нечего. Что это? Кафешка? Прекрасенько. Сейчас пообедаю, потом пробежусь по магазинам, а там уже и домой можно.

Маленькое, уютное помещение с несколькими столиками влюбляло в себя с первой минуты. У них тут – не то, что у нас там. Прямо с порога здесь отсекалась всякая суета, нервозность, взвинченность. Ненавязчивая музыка, рассеянный свет, а главное – белоснежные скатерти, свисающие с круглых столиков до самого пола. У меня даже походка изменилась, пока я тащила свои уставшие ноги от двери до места трапезы. Они стали вышагивать ровненько, по струнке, примерно так, как у манекенщиц. Спина самостоятельно выпрямилась, словно узнала английского короля в появившемся официанте.

– Хотите что-то особенное или принести меню?

– Пожалуй, остановлюсь на овощном салатике и апельсиновом соке.
Официант принял заказ наклоном головы и исчез.

– Плохой выбор, – неожиданно прозвучало из-под стола. – Нужно было хотя бы сосиску заказать. А лучше всего – мозговую косточку.
От неожиданности момента я впала в ступор. Только глаза быстро-быстро пробежались по периметру, чтобы выяснить: это слышали все или только я?

– Хорош ещё стейк с кровью слабой прожарки, здесь он, кстати, весьма съедобен, – продолжал голос из-под стола. – По мне, так лучше вообще не портить огнём отлично отбитый кусок мяса.

Пока кто-то продолжал знакомить меня со своими вкусовыми предпочтениями, я отмерла, начала дышать, соображать, даже строить логические цепочки. Скорее всего, этот голос слышу только я, ведь за соседними столиками никто даже ухом не повёл на странные кулинарные изыски голоса. Значит, можно сделать два вывода: я сошла с ума или под столом кто-то есть. Честно говоря, меня не очень устраивали оба варианта. Я просто хотела отдохнуть в этом кафе и перекусить, а не решать головоломки, а уж, тем паче, ставить самой себе неутешительные диагнозы.

От горестных размышлений меня отвлек подоспевший официант.

– Принесите, пожалуйста, мне ещё свежую мозговую косточку, – неожиданно для самой себя расширила я заказ и добавила, – лучше сырую.

Вот тут уже в ступор впал не только официант, но и несколько посетителей в радиусе пяти метров. А что? Не мне одной испытывать шок, хорошим нужно делиться. У меня было несколько секунд на то, чтобы проанализировать ситуацию. Ведь не могла же я в здравом уме и трезвой памяти заказать в кафе мозговую косточку! Значит, тот, кто сидел под столом, обладал ещё и силой внушения. А это уже серьёзнее, чем просто голоса в башке. Нужно срочно действовать, пока тот, кто находится под столом, не заставил меня заказать голову директора кафе в сливочном соусе. Воображение у меня разыгралось, забив ногами чувство голода. Есть я уже не хотела.

Незаметно посмотреть под скатерть было невозможно. Чавкающие соседи секли за мной попеременно. Из кухни повыскакивали работники и стали подозрительно тщательно протирать противоположную от меня стену, листья фикуса в нише и какую-то статуэтку в углу. С торжественным видом приблизился официант. На вытянутой руке он нёс овальное блюдо с истекающим кровью мослом. Такого внимания к собственной персоне я не ощущала никогда за все относительно честно прожитые тридцать семь лет. Даже кондиционер перестал жужжать, последовав примеру одинокой мухи под потолком.

Жаль разочаровывать чьи-то ожидания, но аттракцион невиданной прожорливости в мои планы не входил. Я медленно достала из сумочки полиэтиленовый пакет и аккуратно положила в него принесённую косточку. Потом всё это безобразие скрылось с глаз жадной до сенсаций публики. «Всё! Цирк уехал. Клоуны остались», – хлестал мой победный взгляд по глазам зевак. Они моментально занялись своими делами: кто уставился в тарелку, выбирая кусочек, кто ушел на кухню. Сейчас или никогда! Я нагнулась и резко приподняла край скатерти.

Из полутьмы на меня умоляюще смотрели два голодных собачьих глаза:

- Только не выдавай, иначе меня побьют и выгонят.
- Не выдам. Пойдём со мной, – мысленно сказала я.

Выпрямившись на стуле, я жестом подозвала официанта, рассчиталась и направилась к выходу. Собаченция улучила момент и стрелой бросилась за мной. Поближе мы познакомились в ближайшем парке. Оказалось, что молодая лайка устроилась под столом в кафе в надежде на упавший лакомый кусочек. Но время шло, посетители менялись, а кусок мимо рта никто не проносил. Я присела за этот столик уже тогда, когда желудок псинки начал исполнять голодный марш.

Сейчас Лайка с аппетитом уплетала небольшие ошметки мяса с косточки, оставляя самое вкусное, мозги, на сладкое. Мне спешить было некуда, поэтому я наслаждалась солнцем, неожиданным выходным, а также крепостью своей психики и отмене скоропалительно поставленного диагноза.

- Домой ко мне пойдёшь? – спросила я насытившуюся новоприобретённую подругу.

– Ещё спрашиваешь! – вильнула хвостиком Лайка.

Ну конечно, Лайка! А кто же ещё может быть у Тамары Лайкиной.

Сказка о деревянном бараке и потерянном ветре

Гелия Алексеева

Жил-был в дремучем лесу деревянный Барак. Стоял он на краю поляны, покосившийся, с облупившейся краской, но добрый по своей сути. В этом Бараке обитали разные существа: Мыши шуршали в углах, Паук ткал паутину под крышей, а старая Сова сидела на чердаке и ворчала на всех подряд. Но самым загадочным жильцом был Ветер – шустрый, весёлый, он любил гулять по комнатам, скрипеть ставнями и шептать старые истории.

Однажды Ветер пропал. Утром деревянный Барак проснулся в тишине – ни шороха, ни свиста. Мыши высунули носы из нор, Паук спустился с потолка, а Сова нахохлилась и сказала:

– Кто-то украл Ветер! Без него лес зачахнет!

Жители Барака решили искать пропавшего друга.

Первой вызвалась Лиса. Она обежала лес, расспрашивая всех подряд, но никто не знал, где Ветер. Тогда Медведь пошёл к реке – вдруг Ветер туда укатился? Но река молчала. Наконец маленький Ёжик, что жил под крыльцом Барака, топнул лапкой и сказал:

– Я найду!

Медведь сказал:

– Мы знаем, что Ёжик очень храбрый. Он может сразиться даже со змеей! Но он такой маленький! Сможет ли преодолеть дальнюю дорогу?

Но малыш настоял на своём намерении.

Ёжик взял с собой фонарик, сплетённый пауком из светящихся нитей, и отправился в самую тёмную чащу. Долго он пробирался сквозь заросли, то утопая в мягком ковре мха, то проваливаясь в валежнике. Он переплывал ручьи и останавливался лишь затем, чтобы почистить иголки и подкрепиться ягодами и фруктами или поймать зазевавшегося комара.

За лесом он нашёл пещеру, а в ней – огромного Горного Тролля, который храпел так, что камни дрожали.

– Какой у него огромный нос! – подумал храбрый Ёжик. – Потому он так громко храпит, громче ветра. Но я знаю, чем его испугать! Он ведь боится превратиться в камень!

Вскоре храбрый Ёжик услышал жалобные звуки, похожие на плач и отдающие гулким эхом. Рядом лежал Ветер, завёрнутый в мешок, и тихо поскуливал. Тролль, оказывається, поймал его, чтобы тот не мешал спать своим свистом.

Ёжик не растерялся. Он подкрался к троллю, уколол его колючкой в пятку и крикнул:

– Отдай Ветер, иначе я тебя укушу!

Тролль вскочил, заревел, но, увидев фонарик в лапах Ёжика, испугался света и убежал, бросив мешок. Ёжик развязал его, и Ветер вырвался на волю, радостно закружившись вокруг.

Когда они вернулись, деревянный Барак ожил: ставни захлопали, крыша заскрипела, а Сова даже улыбнулась – такое бывало один раз в сто лет. Ветер пообещал больше не шуметь слишком громко, а Ёжику подарил маленький Вихрь, чтобы тот мог кататься по лесу, как на колесе.

С тех пор в деревянном Бараке всегда царила гармония: Ветер гулял тихо, Мыши пели песенки, а Ёжик стал героем всех лесных сказок.

Выбор пути. Конкурс стихов и прозы «Лето, которое не забыть»

Мое долгое лето

Джон Маверик

Говорят, каждое сновидение – это маленькая жизнь. Ну а жизнь по сути – всего лишь очень долгий сон, от которого просыпаешься то ли в пустоту, то ли в другой, возможно, лучший мир, то ли не просыпаешься вовсе. Я думаю, так оно и есть. Наверное, все наше существование на Земле – ни что иное, как нескончаемая череда снов, вложенных друг в друга подобно матрешкам. Да так, что и не поймешь, где первая куколка, а где – последняя.

Я иду сельской дорогой, тщательно обходя выползших на грунтовку улиток. Их много, как после дождя, хотя трава по обочинам белая, словно выжженная зноем. Ее серебристые метелочки колышутся на ветру, точно солнечные волны пробегают по стеклянному морю. Зрелая, цветущая трава. По правую руку от меня – молодой еловый лес, совсем юные деревца, а по левую – глухие заборы. Под ногами – сухая желтоватая глина и – островками – песок, словно рассыпанный случайно с какого-нибудь грузовика. Вот только по этой грунтовке никто не ездит. А над головой – прозрачно-бирюзовое небо в белых перышках облаков, будто на картине, только картина – живая. И линия высоковольтных передач. По проводам давно уже не течет ток, они бездушны и пусты, как бельевые веревки. Две тонкие черные нити, протянутые в сияющей голубизне.

Приближаясь к перекрестку, я чувствую – всей поверхностью кожи, сердцем печени, всем, чем только можно, ощущаю – кто-то ждет меня. Или что-то. Это как посмотреть.

Еще издали вижу, на проводах, у самого опорного столба и почти прижимаясь к нему, как будто застряла охапка сломанных веток. Наверное, их занесло туда ураганом. Подхожу и задираю голову. Слишком высоко, чтобы разобрать, что там такое, и от бьющего в глаза солнца мой взгляд затуманивается слезами. Верхушка столба, облака, небо – все расплывается радужной дымкой, золотыми пятнами, мягкой желтизной, и куча веток на проводах словно оживает и, сгруппировавшись, разворачивается в мою сторону. Ее треплет ветер, и вот, я уже различаю в спутанной мешанине сучков то рожки, то крылья, то черный, мохнатый хвост, обернутый вокруг покрытого густой шерстью, чуть удлинненного туловища. Существо неведомой породы медленно просыпается, зевая и почесываясь, наостряет острые уши, облизывает мордочку солнечным, горячим языком.

Все это мне, конечно, мерещится. Но в голове звучит его голос – мягкий, почти ласковый, и все же достаточно ясный, чтобы отличить его от шепота ветра.

– Привет. Это опять ты?

Глупо разговаривать с охапкой хвороста, вдобавок, стоя под высоковольтной линией, запрокинув голову и плача от яркого света, но я все-таки отвечаю.

– Да. Опять я.

Оно тихо смеется, словно над молодыми елями скользнул предгрозового холода.

– У тебя есть одно желание.

– Да? – откликаюсь я.

Хочется встряхнуть головой, смахнуть слезы, уйти, наконец. Однако ноги словно вросли в песок и глину, а шея затекла, налившись чугуновой твердостью.

79

– Да, представь себе. Скажи – тотчас исполню, – с издевкой предлагает странное существо.

– И за что мне такая милость?

Снова порывом налетает ветер, а я, протерев глаза, теперь уже отчетливо вижу – там, на проводах, никого нет. Только кривые палки, торчащие в разные стороны, да пучки сухой травы. Но голос опять звучит – прямо из центра этой мусорной кучи. А может, в моей голове.

– А ни за что. Просто у меня сегодня хорошее настроение... Ну? Решайся. Чего ты хочешь?

Тяжело вздыхаю. Мне не на что решаться, потому что желание у меня – только одно.

– Хочу, чтобы это лето никогда не кончалось.

И меркнет ясный день. На пылающий солнечный диск набегает – казалось бы, безобидное с виду – кучерявое облачко и заглатывает его целиком. Остается только оно – очертанием похожее на барашка, темное, но окруженное

огненной каймой – и помутневшее небо, в глубине которого словно выключили яркую лампочку. Мир грустит, и я вместе с ним.

– Опять то же самое, – говорит тот, кто сидит на проводах. – А я-то надеялся, ты передумаешь.

Виновато пожимаю плечами.

– Мне очень жаль. Но как я могу передумать?

– Как-как... – ворчит оно, а может, это сухие ветки потрескивают от жары, или гудят, как тонко натянутые струны, пустые провода? Вибрируют в потоке знойного воздуха, поют нескончаемую, гулкую песню без мелодии и слов. – Ты хотя бы помнишь, как все начиналось?

Я киваю, немного смущенно, прекрасно зная – оно не может увидеть. У него же нет глаз. Впрочем, ушей и рта у него тоже нет, но оно как-то говорит со мной.

Конечно, я помню.

80

«Без лечения вы дотянете в лучшем случае до осени», – сказал мне врач, когда я обратился к нему в конце весны с жалобой на тяжелый кашель и ночную ломоту в костях. – «А с лечением?» – спросил я.

Он покачал головой.

«Полгода... год максимум. Но это если очень повезет». – «Тогда какая разница?» – «В вашем состоянии каждый месяц на счету. Каждый день жизни – награда. И за эту награду стоит побороться. Не так ли?» – уверил он меня.

Но я так не думал. Вернее, в первые часы я, вообще, не мог думать связно, такая неразбериха воцарилась в мыслях. Настоящий хаос. Знаете, как это бывает? Как будто крутился на заевшей карусели – пять кругов, десять, двадцать – и вдруг она остановилась. Ты сходишь на землю – и тебя тошнит, и асфальт уходит из-под ног, словно корабельная палуба. Тебя штормит изнутри и снаружи. И хотя под ногами уже твердь – в голове все еще кружится, кружится, кружится многоцветная и многоголосая суета, огни и музыка, лица и руки... и безликая толпа вокруг. И будет кружиться, пока ты сам себе не скажешь: «Стоп, хватит», и не сядешь на лавочку – перевести дух.

Так случилось и со мной. Я сел и выдохнул – и круговерть в мозгах замерла, превратившись во что-то праздное и ненужное, в какую-то глупую шелуху. Я

чувствовал себя не так уж и плохо, во всяком случае, гораздо лучше, чем можно было ожидать. Впереди – знойной дорогой сквозь дикие цветущие поля – простиралась три месяца лета. Целых три месяца! Жаркого, разноцветного, сладко-медового лета... Об осени не хотелось думать. Когда еще она наступит? И смерть, казалось, маячила где-то вдали. Она почти не пугала – все мы умрем рано или поздно, это же естественно, успокаивал я себя – и казалась чем-то неприятным, но не ужасным, не страшнее визита к зубному врачу.

Передо мной стоял простой выбор. Мое лето или прямо сейчас – больница, тяжелое лечение, слабость и боль, немощь, агония, жалость близких, их слезы и бессонные ночи у моей постели... и все это растянутое почти на год. И ради чего? Несколькох осенне-зимних, тоскливых и холодных месяцев? Что бы вы предпочли, очутившись, не дай Бог, на моем месте? Я выбрал лето.

Сперва родные пытались меня уговорить. Тетушки, дяди, сестра, взрослая дочь... Искали хороших врачей, зарубежные клиники, в Израиле, в Америке... Вдруг есть надежда? Ведь случается, что и безнадежные больные выздоравливают. А если чудо? Но в чудеса я не верил.

Ну, ладно, если я отказываюсь лечиться, если все бесполезно, то, может, у меня есть последнее желание? Мечта, которую не успел осуществить? Путешествие? Хочу ли я посмотреть мир? Съездить на море? В какую-нибудь экзотическую страну? Или еще куда-нибудь?

Нет, не хочу. Я попросил всех оставить меня в покое. «Мы будем рядом», – настаивала дочка. Милая, пожалуйста, мне не нужен никто рядом. Не знаю, что происходило со мной в тот момент, но мир во мне словно застыл в хрустальной неподвижности, прекрасный и хрупкий, и единственное, чего отчаянно хотелось – это тишины и одиночества.

Собрав кое-какие пожитки, я переехал в деревню, в небольшой домик, доставшийся мне от родителей. Старый, одичавший сад. Яблони корявые, с обломанными или наполовину засохшими ветками – как очень дряхлые люди, они, казалось, держались друг за друга, чтобы не упасть – и цвели. Деревьям все равно, цветут ли они в первый или в последний раз. Вот у кого можно поучиться стойкости и жизнелюбию... Заросшая крапивой альпийская горка у самого крыльца. Сорные кусты и трава по колено. И дикие пчелы. Теплый воздух наполнился жужжанием с рассвета и до заката. Крохотные медоносные насекомые золотыми искорками мелькали в яблоневых кронах, сверкали на солнце, купались в пыльце. Под вечер засыпали на цветах – по одной или по две, тесно прижавшись друг к другу, но я, хоть и обыскал весь сад, так и не сумел найти пчелиное гнездо.

Раз в неделю ко мне по очереди приезжали дочь или сестра с лекарствами и продуктами. Я попросил их купить семена и луковицы и посадил на альпийской горке лилии, камнеломки, васильки, лаванду, турецкие гвоздики. Крошечный возделанный кусочек земли радовал глаз. А позади дома разбил небольшой огородик. Пара грядок. Теплица. Остальной участок продолжал зарастать чем попало. Я махнул на него рукой – все равно после меня все снова придет в упадок, если только дочь не решится продать дом. К тому же, я люблю разнотравие – гораздо больше, чем стриженные газоны. Да и сил уже едва хватало, чтобы ухаживать за моим маленьким цветником. Они утекали, как вода в песок, и каждый проходящий день неотвратимо приближал меня к последней черте. Что ж, говорят, что капли на дне бокала – самые хмельные и сладкие. Наслаждаясь ими, я редко задумывался, что будет там, за гранью. Станут ли меня судить или миловать? Я пытался вспомнить, что сделал в жизни хорошего, но увы... На ум приходили одни сплошные «не». Не добивался, не стремился, не молился, не подавал нищим... Да, работал, рано овдовел, вырастил без жены ребенка. Помогал близким, чем мог. Кормил птиц в своем дворе. Один раз вылечил заболевшего голубя, потратив на ветеринара чуть ли не половину месячной зарплаты. Достаточно ли этого для того, чтобы после смерти меня поместили пусть не в рай, но в место, не слишком плохое? Вряд ли... А может, там – ничего нет? Какой-нибудь фиолетовый свет и серебряный звон, как в романе Курта Воннегута? А то и вовсе – темнота и тишина? Когда слабость и кашель не слишком мешали, я много гулял, грелся на солнце и гнал прочь грустные мысли.

Недалеко от моего дома, по краю соснового леса, проходила дорога – крепкая, утрамбованная грунтовка, по которой время от времени проезжали тяжелые грузовики. Через нашу деревню они каким-то образом срезали путь. И все бы ничего, их шум несколько меня не беспокоил. Но под колесами гибли маленькие лесные обитатели: ежи, мыши, лягушки, ящерицы, жабы, иногда зайцы, лисы, белочки, а однажды я нашел на обочине мертвого енота. Мне было жаль их – почти до слез. Ведь у этих крохотных тварей жизнь, как и у нас, одна. Каждое утро, а часто и по вечерам, я прогуливался по короткому участку грунтовки, собирая с нее жаб, лягушек, ежей и безногих ящериц, похожих на гладких золотистых змеек, и относил их на обочину, к заборам или в ельник. Остальные, более проворные зверюшки – разбегались сами. Я понимал, конечно, что это сизифов труд. Но если хотя бы одно живое существо моя помощь уберегла от смерти – оно того стоило.

Утром, после ночной грозы, я вышел из дома раньше обычного. Начинался ясный летний день, еще по-рассветному прозрачный, не жаркий, а приятно-теплый. Недавняя буря словно прополоскала небо, смела с него лишний сор – облака, ошметки грозových туч, туманные следы пролетевших самолетов – отмыла до блеска и навела глянец. Солнце – и то светило как-то по-другому,

будто вместо старой и тусклой в него вкрутили новую яркую лампочку. На земле, напротив, царил беспорядок. Повсюду, перегораживая дорогу, валялись отломанные ветви и чуть ли не целые стволы. Наметенные ветром комья земли, камни и какие-то обломки перекатывались под ногами, мешая идти. Я даже порадовался в душе, что машинам сквозь эти завалы не пробиться, и, пока дорога не расчистят, им придется объезжать другим путем.

Ветки застряли и в проводах. Целая охапка, бесформенная, еще мокрая и пропитанная солнцем. Наверное, это капли дождя так ослепительно сверкали. Но от яркого света глаза слезились, и на фоне чистой голубизны странная куча на проводах казалась расплывчатым золотым пятном. И мне вдруг почудилось, что она живая, трепещет на ветру, щетинится не то иглами, не то перьями, этакий летающий дикобраз или растопыривший крылья орел. И тут же я услышал ее ласковый шепот:

– За то, что сжалился над братьями меньшими, исполню одно твое желание.

Мелькнула мысль: «Неужели метастазы пошли в мозг? Или так начинается психоз?» Голоса в голове – плохой знак. В другое время я бы испугался и, наверное, очень расстроился, но в тот момент мне было уже нечего терять. И я ответил – ему или самому себе, не знаю.

– Пусть это лето никогда не кончается!

Глупое желание, наивное и, конечно, невыполнимое. Время берет свою дань со всех – без исключения. Его, как поезд, несущийся на полном ходу, не остановить простым взмахом сигнального флажка. Но разве не этого я хотел больше всего на свете? Растянуть оставшееся мне время на знойную, сладкую, хмельную вечность с запахом цветов и земляники, с краткими грозами и дождевой свежестью, прямую, как эта проселочная дорога, уходящая за неведомый горизонт.

Я произнес это вслух, громко – и ничего не случилось. Ветер все так же трепал ветки на проводах. Высыхала по обочинам трава. Испарялись мелкие лужицы, исчезая на глазах, восходя к безоблачному небу прозрачными радугами. Я покачал головой, решив, что весь этот чудной разговор мне померещился. А может, это был сон наяву, короткий миг беспомыслия, фантазия, греза. Но что-то – я чувствовал – в ткани мироздания неуловимо изменилось.

И потекли дни – такие же, как раньше, но в то же время как будто слегка другие. Мучившие меня боль и слабость постепенно отступали. Кашель прекратился. А деревня пустела. Все куда-то разъехались – может быть, подались в город или упорхнули к морю, в южные края. Понятно, лето – время

отпусков, людям хочется разнообразия. И все-таки странно, улицы словно вымерли. Не жужжали газонокосилки. Соседи не выходили на крыльцо. Не постригали кусты в садах, не копались в огородах, не прогуливались по вечерам, взявшись за руки. Теперь, выходя в сумерках из дома, я встречал темные, словно ослепшие окна, наполовину затянутые жалюзи, и непривычную тишину. Не мертвую – мне в уши на разные голоса пела природа, стрекотали сверчки и цикады, заливались дрожащими трелями соловьи, ухали совы в дальнем лесу... Но не звучали ни разговоры, ни смех, не бубнил тусклой скороговоркой телевизор. Кошки и собаки тоже куда-то пропали. Дорогу после грозы кто-то расчистил, но машины по ней больше не ездили.

Дочь и сестра словно забыли ко мне дорогу. Но я не голодал. В погребе не кончались всевозможные консервы, а в кухонном шкафу – крупы. На огороде созревали кабачки, тыквы, огурцы, патиссоны, паприка. Я каждый день жарил овощи, а их становилось все больше и больше, словно на месте каждого сорванного – появлялось два новых.

Конечно, хотелось иногда поболтать с соседями – хоть я и не любитель пустых разговоров. Но человек тянется к человеку, как дерево прислоняется к дереву. Одиночество не тяготило, но наполняло сердце грустью, словно тихой музыкой. Казалось, весь мир и все люди ушли вперед, а я остался в каком-то своем безвременье, застыл, как муравей, увязший в капле смолы.

– Ну, и как? – спрашивает существо, сидящее на проводах. – Нравится тебе оно? Твое долгое лето?

Я вздрагиваю, словно пойманный на чем-то запретном – на воспоминаниях о прошлом. Но тут же вскидываю голову. Мне нечего стыдиться и не о чем сожалеть. Прошрое, каким бы оно ни было – мое, его не вычеркнуть, не исправить, не прожить заново.

– Да, нравится.

– Не скучаешь по близким? – интересуется оно вкрадчиво.

Я вздыхаю.

– Иногда, – признаюсь. – Наверное... Не то что скучаю, но ведь я их любил. Думаю, и сейчас люблю. Их всех... Свою семью... Любовь не кончается. Она вечна, как звезды.

В небе облачный барашек медленно доедает солнце, давясь его огненной плотью и роняя лучистые капли и целые куски за туманный горизонт.

– Но их было слишком много в моей жизни. Все эти заботы, тревоги, постоянная суета, мелкие обиды. Ни дня для себя. Ни минуты, чтобы расслабиться и просто – быть. Я и заболел из-за этого.

– Ты мог остаться с родными и побороться за жизнь.

– Нет, – упрямо качаю головой.

– Или пожелать себе выздоровления.

Не знаю, смеяться над его наивностью или плакать. Ветки – они ветки и есть. Откуда у них разум?

– Ты мог исцелить мое тело, – объясняю ему, как маленькому. – Но болезнь не только в нем. Она и в сердце, и в голове. Этого тебе не изменить.

– Да, – соглашается тот, кто сидит на проводах. – Человек может измениться только сам, и то с Божьей помощью. Но я не Бог, да и ты не готов меняться.

Я киваю.

– А тебе, Алекс, – шелестит оживший хворост, ежась и темнея, как будто ему холодно. А может, там, наверху, и в самом деле прохладно? В вышине гуляет ветер, играет на струнах проводов заунывную песню, – не кажется, что ты уже умер? Некоторые так представляют себе ад. Ловушка времени. Одиночество в замкнутом на себя мирке. Ни одной родной души рядом. Что ты видишь в этой деревне? Каждый день – одно и то же. Пару улиц, дорогу, лес...

– Для меня это рай, – возражаю. – В детстве я мечтал стать смотрителем маяка на каком-нибудь острове. Чтобы вокруг море и чайки, и небесный свод, а больше никого и ничего. Думаю, эта мечта отчасти сбылась. Пусть мой дом – не маяк, но, пока в его окнах горит свет, какие-нибудь вселенские корабли не налетят на рифы.

Молчим и размышляем – каждый о своем. То есть, о чем размышляет куча веток, я не знаю. Возможно, ни о чем. А я спрашиваю себя, что она такое? Создание света или тьмы? Или ни то, ни другое? И если я нахожусь в аду – то за какую вину? А если в раю – то за какие заслуги? Одно знаю наверняка: я не заключал сделку и не продавал душу. Никогда и ни за какие блага я бы такого не сделал.

А потом все как будто смялось, и только что я стоял на пустынной дороге, у опорного столба линии электропередач, а мгновение спустя – лежу в собственной постели, укрытый легким одеялом, и мягкий, бледно-лимонный свет сочится сквозь приоткрытые веки. За окном щебечут птицы. Я распахиваю глаза. На дощатом полу подрагивают желтые, зеленые и оранжевые ромбы – просеянное сквозь разноцветную шторку солнце. Неужели все это – только сон? И да, и нет. Сновидение – не мираж, не блуждание спящего разума по призрачным далям. Оно – повторение однажды случившегося. Та давняя встреча затерялась в бесконечной череде дней моего долгого, долгого лета. Я почти забыл ее, но что-то во мне помнит. Где-то в потаенной ячейке памяти хранятся дорогие лица, прикосновения, слова – все, когда-то услышанное и сказанное, передуманное и прожитое.

Я лежу, понемногу просыпаясь, впитывая свет и звуки, и каждым своим вздохом отделяя день от ночи. Еще чуть-чуть, и я встану, умоюсь и позавтракаю, а после – спущусь в сад и полью цветы на альпийской горке у крыльца. Подправлю забор, соберу с грядки овощи...

И поговорю с той странной тварью, сидящей на проводах. Кем бы она ни была – ей, наверное, одиноко.

Земля – Созвездие Золотой Рыбы. Конкурс афоризмов – 1

Вещи мои не в порядке, но это в порядке вещей.
Щегленок

Не бойтесь ставить точку. Из неё всегда можно сделать запятую.
Щегленок

Рождённый летать часто пролетает.
Щегленок

Путь к ответу лежит через тупики вопросов.
Гелия

Земля – Созвездие Летучей рыбы. Конкурс «Найди ответ – б»

Гора – гордая подруга Магомеда.
Hellin

Стилус – стильная стрижка усов.
Ольга Альтовская

Голосование – бритьё совы наголо.
Hellin

Хорей – коллективная серенада под балконом.
Ольга Альтовская

** победитель в авторском зачёте*

88

Hellin

Гора – гордая подруга Магомеда.

Голосование – бритьё совы наголо.

Дактиль – помесь хорей с безударной дворнягой.

Хорей – бей первым, вторым глуши.

Стилус – смартфоноквырялка.

Оглавление

I. Планета ТАУКиТА

Исторический орган сочинял я понемногу. Авторский конкурс D Grossteniente Okku

Ученик. *Юлия Лавданская* 4

II. Планета путешествий

Земля – Орион. Конкурс рассказов «Мистика: очарование жутких тайн»

Продай мне свою собаку. *Джон Маверик* 8

Шнеефрау. *Ольга Зимина* 12

Земля – Орион. Конкурс рассказов «Разговор»

Кот на крыше в лучах заходящего солнца. *Джон Маверик* 18

Земля – Орион. Конкурс рассказов «Магический реализм: Топотун и другие»

Пойду с тобой. *Джон Маверик* 24

Китайские вазы. *Marara* 29

Земля – Орион. Конкурс рассказов «Шляпа»

Из волшебной шляпы. *Джон Маверик* 39

Земля – Орион. Конкурс рассказов «Приключения»

Приключение местного значения. *Елена Картунова* 44

Земля – Орион. Конкурс рассказов «Привязанность»

Дом... мой дом... *Джон Маверик* 50

Земля – Орион. Конкурс из серии «Художники и писатели» – 1

Будущая сказка. *Елена Картунова* 64

Земля – Орион. Конкурс миниатюр «Ожидание счастья»

Хамелеон Красавчик. *Ольга Альтовская* 66

Земля – Созвездие Летучей рыбы. Конкурс «Неосознанное»

Ливень. *Ксени* 67

Земля – Созвездие Южной Короны. Конкурс «Мои мемуары – 7»

Соло Фёдора. *Юлия Лавданская* 68

Выбор пути. Конкурс «Кот в мешке – 1»

Красота. *Юлия Лавданская* 70

Откровения водителя попутки. *Ольга Клен* 71

Кто сидит под столом? *Ольга Клен* 73

Сказка о деревянном бараке и потерянном ветре. *Гелия Алексеева* 76

Выбор пути. Конкурс стихов и прозы «Лето, которое не забыть»

Мое долгое лето. *Джон Маверик* 78

Земля – Созвездие Золотой Рыбы. Конкурс афоризмов – 1	
Вещи мои не в порядке, но это в порядке вещей. <i>Щегленок</i>	87
Не бойтесь ставить точку. Из неё всегда можно сделать запятую. <i>Щегленок</i>	87
Рождённый летать часто пролетает. <i>Щегленок</i>	87
Рождённый летать часто пролетает. <i>Гелия</i>	87
Земля – Созвездие Летучей рыбы. Конкурс «Найди ответ – б»	
Гора – гордая подруга Магомед. <i>Hellin</i>	88
Стилуc – стильная стрижка усов. <i>Ольга Альтовская</i>	88
Голосование – бритъё совы наголо. <i>Hellin</i>	88
Хорей – коллективная серенада под балконом. <i>Ольга Альтовская</i>	88
Дактиль – помесь хорея с безударной дворнягой. <i>Hellin</i>	88
Хорей – бей первым, вторым глуши. <i>Hellin</i>	88
Стилуc – смартфоноковырялка. <i>Hellin</i>	88
Оглавление	89

Парад Планет Победители прозаических конкурсов

Составление, вёрстка, дизайн
Виталий Музуров, Ирина Архипова

